

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

СТАРАЯ РАНА

Черная кошка

Николай Леонов

Старая рана

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Старая рана / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2016 — (Черная кошка)

При загадочных обстоятельствах погибает Регина Берестова, дочь влиятельного чиновника, работавшая в Роспотребнадзоре. Полковники МУРа Гуров и Крячко с присущей им хваткой начинают расследовать очередное громкое дело. Проверка профессиональной деятельности Берестовой не дает результатов. Еще немного, и следствие зайдет в тупик. Опытный Гуров решает искать в другом направлении. Он прорабатывает личное окружение погибшей чиновницы и, к своему удивлению, узнает целый ряд пикантных подробностей из ее прошлого. Некоторые из них действительно могли стоять Регине жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонов Н. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Старая рана	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Леонов

Старая рана

© Леонова О.М., 2016

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Старая рана

Глава 1

Будильник звякнул и тут же умолк, выключенный накрывшей его сверху рукой Вадима. Через пару секунд из соседней комнаты послышалось шевеление, а затем удаляющееся шлепанье тапочек. Регина приоткрыла глаза, увидела мутную пелену слабо пробивающегося февральского утра и перевернулась на другой бок. Можно было спать еще целый час – муж уходил на работу раньше ее, и это утреннее время было в ее распоряжении.

Дверь приоткрылась, в спальню заглянул супруг. Регина сделала вид, что спит. Вот чего он сюда просовывается каждое утро? Проверяет, что ли? Сейчас уйдет, а дверь снова забудет закрыть!

Так и вышло: сквозь оставшуюся открытой дверь доносился шум льющейся воды из ванной – Вадим принимал душ. Он делал это каждое утро и каждый вечер, и Регину это жутко раздражало. Впрочем, ее вообще все раздражало в муже, и в первую очередь то, что это ее муж. Так что любые действия Вадима были обречены на непонимание и неприятие.

Сегодня он, к примеру, снова не закрыл дверь в спальню жены, и сон Регины был потревожен явственно доносившимися через нее звуками. Она никак не могла снова заснуть и злилась из-за этого на Вадима.

Щелкнула ручка двери ванной комнаты, и Регина увидела, как муж выходит из нее, обернутый полотенцем. Сейчас он отправится на кухню, станет готовить завтрак и обязательно будет шуметь. Он шумел каждое утро, кроме, наверное, субботы и воскресенья, своих выходных. Впрочем, как себя вел Вадим в выходные, Регина не знала, поскольку с пятницы вечера уезжала за город – там был семейный дом, а Вадима оставляла вместе с сыном, аргументируя это тем, что ребенку нужно полноценно проводить время с вечно занятым на работе отцом хотя бы два раза в неделю.

То, что с матерью при этом он полноценно не проводит время вовсе, ее совершенно не беспокоило – она выполняла свои материнские функции «на отлично»: ребенок был определен в престижную гимназию с пансионом. Правда, на пятидневное нахождение сына в стенах гимназии Регина все же не согласилась, но ежедневно до пяти вечера он был там. Кроме того, к мальчику была приставлена няня, которая забирала его из гимназии – в двух остановках от дома, можно и пешком пройтись, к тому же для здоровья полезно, – приводила домой, кормила ужином и отводила в бассейн, откуда его после работы забирал Вадим и привозил домой в восемь вечера. Регина, возвращаясь в шесть, имела собственное пространство и время в виде этих двух часов, которые принадлежали только ей.

Затем следовал дежурный материнский поцелуй со столь же дежурным вопросом «как дела?» и неизменное «нормально!», после чего сын отправлялся в свою комнату и садился за компьютер, а Регина с чувством выполненного долга ложилась на диван в своей спальне. Так длилось до выходных, в которые обязанность общения с сыном возлагалась на Вадима.

Сын Егорка, семилетний шустрый пацан, с отцом оставался охотно и за город с матерью не просился. Ему вообще, как казалось Регине, было с ней не слишком интересно. Впрочем, она не страдала от разлуки с сыном и в выходные. К бабушке Егор тоже не выражал желания поехать: он достаточно общался с ней в течение недели, в те дни, когда бассейна не было, няня на такси отвозила его к матери Регины.

Иногда по выходным забирал внука дед, отец Регины. Он имел довольно неплохой чин в Департаменте городского имущества Москвы, то есть был человеком занятым, но единственного внука обожал и его пребыванию у них дома был только рад. Словом, все были довольны.

Не столь явно это довольство выражалось у Вадима, но его мнения спрашивать в семье Берестовых не привыкли.

Из прихожей донеслось монотонное жужжание. Регина знала: это Вадим бреется, пока варится кофе. Он всегда брился электробритвой, и это тоже ее бесило. Каждое утро, слушая этот мерное жужжание, она ощущала себя в стоматологическом кресле и морщилась, словно от реальной боли.

Сцепив зубы, Регина сдержалась, не стала подниматься. Все равно бесполезно, Вадим небритым на службу не поедет. Эти его педантичность, скрупулезность, аккуратность – качества, изначально считающиеся положительными, – навязли у Регины в зубах, словно переваренная каша. Она мучительно считала минуты, когда муж уберется и наступит долгожданная тишина.

Наконец звук стих – Вадим выдернул провод и вернулся в кухню. Но тише не стало: раздался металлический звон, а затем грохот и звук разбитого стекла. Этого Регина уже стерпеть не смогла. Резко вскочив, она направилась в кухню прямо босиком.

Вадим в растерянности стоял посреди кухни, у стола валялась разбитая сахарница.

– У тебя что, руки кривые? – процедила Регина, с ненавистью глядя на мужа.

– Прости, случайно из рук выскользнула, – оправдываясь, произнес Вадим и, взявшись за веник, принялся сметать просыпавшийся сахар.

Регина следила за действиями мужа с крайним неодобрением на лице. Не выдержав, выхватила веник у него из рук:

– Что ты им возишь! Размажешь только, полы будут липкие!

– Но надо же убрать, – заметил Вадим.

– Сама уберу! – Она пошла в ванную за шваброй, вернувшись, принялась возить ею по полу.

Вадим, пожав плечами, налил себе кофе и стал торопливо пить, поглядывая на часы. Он уже опаздывал. Но Регине с утра все было не так.

– Что ты стоишь на дороге! – подтолкнула она его локтем.

Вадим отошел в сторону, но Регина тут же пригвоздила его резким окриком:

– Куда! Растопчешь по всей кухне!

Поставив недопитую чашку на стол, Вадим снял тапочки и вышел из кухни в прихожую, обувая ботинки. Регина не могла допустить, чтобы он так легко отделался. Отшвырнув швабру, она вышла вслед за ним и, скрестив руки на груди, наблюдала, как муж зашнуровывает ботинки. Вадим молчал, и это выводило Регину из себя. Собственно, этим можно было бы и исчерпать инцидент, не стоивший выеденного яйца, но ее уже несло. Она не могла смотреть, как муж, грубо нарушивший покой в ее доме – квартиру, в которой они жили, Регина считала исключительно своей, – сейчас преспокойно обуется и уйдет, оставив ее одну наедине с загаженной кухней, разбитой сахарницей и испорченным настроением.

Все это было не страшно: через час придет домработница, соберет осколки, тщательно вымоет пол и купит новую сахарницу, а то и целый сервиз, но мысль о том, что муж легко отделяется, что все ему как с гуся вода, не давала Регине рассуждать здраво. Рядом с мужем она вообще была лишена этой способности, действовала исключительно на эмоциях и исключительно негативных.

– И что, ты вот так и оставишь меня одну разгребать свинарник, который сам устроил? – повысила она голос.

– Ты сама сказала, что я делаю не так, – не поднимая головы, ответил Вадим, завязывая шнурок.

– А ты сделай так! – не отставала Регина. – Хоть что-нибудь ты можешь сделать, как нормальный мужик?

Вадим не ответил. Она же продолжала свою обличительную речь, обращаясь к его затылку и стараясь унижить мужа посильнее. Вадим не реагировал. Он закончил манипуляции со шнурками, выпрямился и, глядя прямо в глаза Регине, произнес:

– Как я мечтаю, чтобы ты исчезла куда-нибудь.

Регина, продолжавшая что-то говорить, захлебнулась последней фразой, выражение ее лица стало меняться со злого на изумленное. Вадим никогда не разговаривал с ней в подобном тоне. Она – да, могла и похлеще что-нибудь сказать или обозвать. Он же держался спокойно, и из-за этого ее начинало колотить от злости.

– Что ты сказал? – проговорила она, уверенная, что Вадим сейчас начнет просить прощения, ссылаясь на то, что ляпнул, не подумав, либо скажет, что это была неудачная шутка. Но Вадим, со своим привычным спокойствием и новоприобретенным – откуда только! – мужеством, не отводя взгляда, повторил:

– Мечтаю прийти когда-нибудь домой – а тебя нет. Вообще. Нигде. И, знаешь, так радостно сразу на душе становится.

– Что-о-о?! – задохнулась от гнева Регина. – Ты... Ты смерти моей желаешь?

– Нет. Я сказал – исчезла бы. Не знаю куда. Просто испарилась бы. И может быть, тебе там будет гораздо лучше, чем здесь сейчас.

Он повернулся и взялся за ручку двери, собираясь уйти. Регина в это время не слишком успешно пыталась прийти в себя. Вадим уже шагнул за порог, и тут она бросилась за ним, в одно мгновение по-кошачьи вцепилась в воротник куртки и, потянув на себя, протянула:

– Ну, не-е-ет! Теперь я тебя точно не отпущу! Ты, значит, вон какие мысли на мой счет держишь? Ты от меня избавиться хочешь? Ах, ты... – Она не могла подобрать подходящего слова – кажется, впервые в жизни.

Вадим физически был сильнее и вполне мог вырваться, но по выражению лица жены понял, что сейчас вполне может разразиться скандал. А афишировать проблемы в отношениях перед соседями ему совсем не хотелось, равно как и самой Регине, привыкшей на виду соблюдать комильфо. Он не стал сопротивляться, а резко шагнул в квартиру, захлопнув дверь. Регина, не ожидавшая такого напора, отшатнулась и чуть не упала, ухватившись за стойку вешалки. Та покачнувшись, сверху упали шарф и шапка.

– Ты что творишь? – прошипела она. – А ну-ка, подними сейчас же!

Вадим, игнорируя ее приказной тон, склонился прямо к лицу Регины, заглянул в смотревшие на него с нескрываемой ненавистью глаза и четко произнес:

– Это конец. Хватит. Я с тобой развожусь.

– Что-о-о? Что ты сказал? Ты – со мной? Ха-ха-ха! – рассмеялась она злым смехом. – Ты со мной разведешься? Ты что, парень? Ничего не перепутал? Так и не понял за восемь лет? Здесь все решаю я, понятно? Как я скажу – так и будет! Поэтому давай быстренько попроси прощения, признай, что был плохим мальчиком и больше не будешь говорить ерунды. А вечером принесешь букет цветов, и тогда – может быть! – ты будешь прощен. Ну?

Регина смотрела на Вадима, уверенная в своем превосходстве. Никогда он не посмеет ее ослушаться. Однако Вадима сегодня будто подменили.

– Я. С тобой. Развожусь, – отдельно повторил он. – Хватит продолжать этот бессмысленный союз.

– Ты что? Ты это серьезно? – медленно проговорила Регина. – Ты вообще соображаешь, что говоришь?

– Отлично соображаю, – кивнул Вадим. – Не соображал раньше, когда продолжал с тобой жить по инерции. А теперь все.

– Вадик! – Она уже и забыла, когда обращалась к мужу по имени. – Мне все-таки кажется, что ты нездоров.

– Нет, со мной все в порядке, Регина! – Вадиму показалось, что жена, оглушенная новостью, смягчилась и отставила в сторону свой привычный командный тон. Он подумал, что сейчас с ней в кои-то веки можно поговорить нормально и спокойно, и убеждающе заговорил: – Ну, подумай сама – зачем нам сохранять этот брак? Мы же живем как кошка с собакой, вечная ругань, Егор на все это смотрит. Он скоро начнет все понимать, его это озлобит, у него может сложиться неправильная модель семьи. Так для всех будет лучше, и для тебя тоже. Тебе-то зачем брак со мной? Ты же меня не любишь и даже не делаешь вид. А так... Тебе всего двадцать восемь, ты успешна и вполне можешь создать новую семью, в которой будешь счастлива.

Регина молча слушала, и Вадиму в какой-то момент даже стало жаль ее. Он протянул руку, чтобы погладить Регину по плечу, но та резко ее отбросила. Сверкнула на Вадима холодными серыми глазами и сказала:

– Значит, так. Никакого развода ты не получишь. Если у тебя хватит ума все-таки подать на него, ты об этом будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. Рассчитываешь урвать свой кусок? А вот шиш тебе! Ничего, ни единой вещи из этой квартиры ты не получишь! И самой квартиры тоже! Машину папа у тебя тоже отберет, будешь на метро ездить, как лох последний! С работы у папы тоже вылетишь, на деньги вообще не рассчитывай! – Регина заводилась все больше и больше, придумывая очередное лишение для мужа. – Ни копейки из накопленного не увидишь, я тебя голым оставлю, до нитки всего оберу! Ты потом еще с адвокатами всю оставшуюся жизнь будешь расплачиваться! Да, и про Егора забудь! Сына вообще больше никогда не увидишь!

– Как это характерно для тебя, что о сыне ты вспомнила в последнюю очередь, – горько усмехнулся Вадим. – А я-то подумал, что с тобой можно нормально разговаривать. А теперь послушай меня. Твои угрозы мне безразличны, я сделаю так, как решил. И насчет ребенка не обольщайся: он такой же твой сын, как и мой, и свои интересы я защищу, даже если их придется отстаивать в суде.

– Ни один суд не пойдет против меня! – выкрикнула Регина.

– Против твоего папы, хочешь сказать? По счастью, отец твой куда адекватнее и порядочнее, чем ты. И хватит меня запугивать. Все, прощай!

Вадим решительно отпер дверь и вышел из квартиры. Регина метнулась было за ним, но из второй квартиры бокса как раз выходила соседка, и она, приклеив на лицо улыбку, фальшиво поздоровалась, а когда соседка прошла в лифт, Вадима уже не было. Он спускался по лестнице, и до Регины доносился лишь звук его ботинок.

Постояв несколько секунд, она захлопнула дверь. Машинально прошла в ванную и принялась чистить зубы. Поймав себя на том, что занимается этим уже десять минут, раздраженно сполоснула щетку и сунула ее в стакан. Пройдя в кухню, включила чайник. Неубранный сахар хрустел под ногами, тапочки прилипали к полу, но Регине было на это наплевать. Она яростно размешивала несладкий кофе в чашке, по ходу придумывая, какие кары обрушит на голову мужа. Потом поняла, что это неконструктивно. Развода ни в коем случае допустить нельзя, нужно вправить Вадиму мозги.

Так, что делать? Первым делом поговорить с папой, он его быстро приструнит. Усовестит, напомнит о Егоре, об отцовском долге и прочем. Вадим всегда легко поддавался чувству вины, и на этом нужно было сыграть. Дальше. Сказать папе, чтобы отобрал у него машину и лишил премии. За весь квартал. И – временно выселить из квартиры. Пусть покрутится! Ничего, это на словах разглагольствовать легко, а попробуй на деле пожить как нищий, на зарплату, без машины, без папиной поддержки. К атрибутам роскошной жизни путь короткий, а вот обратно куда длиннее. Вадик, привыкший к элитному обслуживанию, быстро сдуется. Сам приползет, еще и прощения просить будет. Ничего, ничего, мы еще посмотрим, чья возьмет!

Немного успокоив себя таким образом, Регина пошла в прихожую. Быстро накрасилась перед зеркалом, обула сапожки, натянула шубу – роскошную серебристую норку, подарок отца на день рождения, – осмотрела себя в зеркало. Что и говорить, хороша!

Она не была красивой. Пожалуй, даже симпатичной ее трудно было назвать: черты лица заурядные, нос длинноват, подбородок острый... Но природные внешние данные Регина на первое место не ставила. Хороша – это значит эффектно. Дорогая одежда, фирменные аксессуары, украшения – все должно быть на высшем уровне. Вот это показатель класса, а не какая-то там смазливая мордашка и ноги от ушей. Главное – во что это все упаковано. А упаковка у Регины была в полном порядке.

Недаром все сослуживицы завидуют. Хоть и имеют на службе приличную прибавку к окладу, а где им угнаться за папой-чиновником! Зависть коллег была для Регины главным показателем успешности и состоятельности ее как женщины. Внимание мужчин – не в счет. К мужчинам она вообще была довольно холодна и сдержанна. Считая их заведомо ниже как класс, относилась даже с легким презрением. Впрочем, особого внимания со стороны презренного «сильного пола» в отношении себя она и не слишком наблюдала. Регина держалась надменно, отстраненно, к тому же никому не хотелось связываться с дочкой чиновника департамента имущества, вдобавок замужней. Но Регина от этого и не страдала – она спокойно обходилась без мужчин, даже почти полное отсутствие физической близости с мужем ее не напрягало.

«А ведь это, наверное, неправильно», – неожиданно возникла откуда-то из глубин подсознания мысль. Регина еще раз оглядела себя в зеркало. Она еще молода, выглядит сногшибательно, на что уходит ее жизнь? Вроде бы все есть, а в то же время, по сути, она задыхается от скуки и неудовлетворенности – что на своей неинтересной, но доходной службе, что дома, рядом с опостылевшим нелюбимым мужем. Она уже не помнила, когда чувствовала себя счастливой. Все было не то и не так, все! Даже деньги, к которым Регина питала любовь и уважение, не приносили удовлетворения. Да, проблемы решали, и без них было бы куда хуже, а все-таки...

Но что можно изменить? Завести любовника? На какое-то время спасет от рутины, конечно. Поначалу. Но только быстро приестся. Да и где его взять?

Нет, просто мужика найти – это только свистни, сразу найдутся желающие. Но абы кого не хотелось. Регина с отвращением представила, что возле нее будет виться абсолютно чужой незнакомый мужчина, станет прикасаться к ней, целовать – тьфу! Она была брезглива, и ничего, кроме этого чувства, мужчины у нее не вызывали. Во всяком случае, те, что находились в поле ее зрения. Себя она считала созданием исключительным, и мужчина рядом с ней должен был быть исключительный. А получилось – Вадим...

Конечно, не его ей хотелось видеть рядом с собой. Но перед свадьбой ей некогда было об этом задумываться – добрачная беременность торопила, ставила в тесные рамки. Родить же без мужа Регина не могла себе позволить – общественное мнение дамкловым мечом висело над ней всю жизнь. Бог его знает, откуда взялось, то ли от матери, бывшей замужем за человеком, который «всегда на виду», то ли Регина родилась с ним, генетически впитав от той же матери, имевшей деревенские корни, при которых главное – «что люди скажут». Да и бесполезно теперь задумываться, откуда, главное, что тогда она людскому мнению рот заткнула, да как! Свадьба в одном из самых дорогих ресторанов Москвы, лимузины, платье, стоимое бешеных денег, чуть ли не равных потраченному на застолье бюджету. И вершина – свадебное путешествие. Не куда-нибудь, а на Мальдивы, которые тогда, почти десять лет назад, даже для столицы выглядели экзотически.

Папа постарался, выложился по полной. Ну, его уломать было не слишком трудно: он тоже чувствовал за собой вину, что из семьи свалил, бросил их с матерью, женившись на молодой. Впрочем, его можно понять. Маме-то роль жены высокопоставленного чиновника оказалась не по плечу. Деревня лезла из нее, да никак не могла вся вылезти. Регине, даже маленькой, порой казалось, что отец стесняется своей супруги. Правда, выбрал себе куклу ходячую, чуть постарше дочери, зато та не лезла в жизнь Регины и вообще старалась с ней не

пересекаться. Папа же потом всю жизнь деньгами расплачивался перед дочерью за свой уход. А ее такой способ оплаты вполне устраивал.

Она была счастлива. Еще бы, так утереть нос уже начавшим коситься на ее слегка выступающий живот и шептаться за спиной – нет, не подружкам – однокурсницам. Подруг у Регины никогда не было. Однокурсницы и раньше ей завидовали и в душе ненавидели, хотя в глаза заискивали и подлизывались. А едва разглядели признаки беременности, тут же принялись злорадствовать. Но Регина своей свадьбой всех на место поставила. Теперь она ходила не принцессой, а королевой. Приезжала в институт на новеньком «Лексусе», в то время как другие на дешевеньких «Дэу» или даже «Ладах», поселилась в элитной квартире на Новослободской, которую с гордостью продемонстрировала, пригласив ненавистных однокурсниц на новоселье. Ничего, оно того стоило! Три часа потерпела их общество, зато потом они при ней и пикнуть не смели. До конца последнего курса даже не подходили к ней, не заговаривали – правильно, о чем ей с ними говорить-то? И когда она предложила снять на выпускной ресторан в центре Москвы – отказались. Сказали, что уже выбрали кафе. Забегаловку какую-то, Регина и названия не помнила. Она не пошла туда – дался ей этот выпускной! Это все были временные люди в ее жизни, связанные с ней лишь обстоятельствами. К тому же тогда уже подошло время родов, и Регине вообще были неинтересны никакие вечеринки. С однокурсницами она после окончания института контактов не поддерживала и на встречи выпускников не ходила, даже не интересовалась, встречаются ли они.

После рождения Егора у нее началась другая жизнь. Первое время было тяжеловато, пришлось нанимать няню, и не одну – для ночных дежурств и для дневных. Потом – частный детский сад, потом школа... Время прошло незаметно. Три года Регина не работала, а когда сидеть дома надоело, обратилась к отцу. Хотела, чтобы к себе пристроил, но он отказал. Предложил место инспектора в Роспотребнадзоре, тогда еще именовавшемся санэпидемстанцией. Казенное название это пахло хлоркой и дезинфекцией, но сама организация вызывала страх и уважение, и сомневаться в ее могуществе не приходилось. Потом пришло нынешнее звучное название Роспотребнадзор, но суть от этого не поменялась.

Не совсем по ее профилю оказалась должность, но при звонке от папы это никого не интересовало. Взяли Регину вмиг, и она быстро сориентировалась. Проверять торговые объекты, контролировать качество товаров – это у нее хорошо получалось. Высокомерный вид, надменный взгляд – уже это заставляло директоров магазинов стелиться перед Региной ужом, когда она входила в помещение, строгим, с металлическим отливом, голосом требовала закрыть помещение на контроль и приступала к проверке.

Регина любила свою работу. Находить недостатки, тыкать людей носом в их огрехи, заставлять уважать ее авторитет – это как раз было по ее части, тут отец в точку угадал. Она чувствовала себя значимой и недостижимой. С ней вынуждены были считаться, перед ней заискивали толстопузые немолодые руководители торговых объектов, владельцы элитной недвижимости и дорогих автомобилей. На своем месте Регина была царь и бог – хочу казнь, хочу милую. Поскольку Роспотребнадзор был непосредственно в подчинении правительства, то и надавить на его сотрудников со стороны никто не мог. Многие этим пользовались, и Регина в том числе. Правда, в последнее время с ужесточившейся борьбой с коррупцией стало хуже. Все эти показушные процессы, демонстрационные взятия с поличным... Смотреть противно! Находят крайних и подставляют! Слава богу, что под нее никто не подкапывается – веское имя отца играло свою роль.

Регина после свадьбы оставила свою фамилию. Носить Вадимову не хотела категорически: во-первых, ее была красивее, а во-вторых, ей не хотелось быть «женой Денисова». Ей больше нравилось – «дочь Берестова».

Вадим, может быть, и обиделся, но открыто этого не показал. Еще бы ему обижаться! Он бесконечное спасибо должен говорить судьбе и Регине, что ему такое счастье привалило. Смог

бы он, сын простого, никому не известного инженеришки на пенсии, так устроиться? Ездил бы на «Мерседесе», жил бы в квартире в центре Москвы? Ютился бы со своим папой-инвалидом на окраине в Бескудникове, в задрипанной «хрущевке»? И никакой, ни малейшей его заслуги в этом нет, просто повезло несказанно, что стал он, можно сказать, случайно, отцом Егора, а затем мужем Регины и – соответственно – зятем Берестова. А он, засранец неблагодарный, еще и посмел о разводе заикнуться! Ага, сейчас!

Регина вдруг вспомнила слова Вадима, брошенные перед уходом: «Тебе-то зачем брак со мной? Ты же меня не любишь и даже не делаешь вид. А так... Тебе всего двадцать восемь, ты успешна и вполне можешь создать новую семью, в которой будешь счастлива». Что и говорить, резон в них был. Но... Регина не могла этого допустить. Ее самолюбие было уязвлено. И дело даже не в том, что она превращалась в стандартную разведенку, которых по России пруд пруди. К таким брошенным женщинам Регина всегда относилась с презрением – не смогли удержать. А раз не смогли, значит, и не стоили. Никудышные они были тетки, в ее глазах. Второй сорт. Она не могла допустить, чтобы ее бросили. Как так? ЕЕ? Такую умную, успешную во всех отношениях – и бросил Вадик? Да об этом мгновенно станет всем известно, вот уж порадуются, языками почешут от души! Склонять будут постоянно, хихикать за спиной, злорадствовать... Люди же какие? Они тем и живут, что радуются чужим неприятностям. А того, что над Региной станут смеяться, она пережить не смогла бы. Потому сохранение брака, пусть чисто номинальное, было для нее важно. Это тоже своего рода статус, показатель благополучия. И она должна его сохранить во что бы то ни стало.

Из подъезда Регина выходила уже своей обычной походкой: плечи расправлены, спина прямая, шаг уверенный. Голова приподнята, и взгляд чуть свысока. Вежливо и холодно кивнула соседу, который выезжал из подземного гаража на своем черном «Кадиллаке», пропустила и вывела свой «Лексус». Хотела закрыть ворота, повернулась...

– Привет, подруга! – послышался хриловатый голос с насмешливыми интонациями.

Регина резко выпрямилась от неожиданности. Неожиданной была даже не сама реплика, а именно голос, прозвучавший из, казалось, забытой дали. Она подняла голову и медленно повернулась, уже зная, чье лицо увидит перед собой...

Лицо было все же не таким. Оно изменилось, в нем появились невиданные ранее черты – более резкие, даже грубоватые. Но голос остался неизменным, разве что стал чуть-чуть ниже.

– Ты? – задала Регина вопрос, ответ на который был очевиден.

– Что, не узнала? – так же насмешливо продолжал голос. – Не прикидывайся, подруга, не так уж много времени прошло, чтобы ты меня забыла. Или не рада видеть?

– Да нет, не забыла, просто не ожидала, я... растерялась немного, – сбивчиво и фальшиво принялась оправдываться Регина, почувствовав, как предательски краснеет и как стремительно превращается из уверенной в себе дамы, привыкшей к начальственным интонациям и жестам, в суетливую девчонку, исполненную страха.

Она и впрямь испугалась. Пока еще не понимала, чего конкретно, но кольнуло ее смутное и одновременно явное ощущение чего-то неприятного. Как оказалось, предчувствие было верным...

– Ну, что скажешь? – спросил он.

Регина молчала, глупо улыбаясь.

– Твоя? – деловито кивнул он на сверкающую лаком машину, и она мотнула головой. – Клевая тачка! Так что молчишь-то?

– А что говорить? – совсем растерялась Регина.

– А нам так уж и поговорить не о чем? – прищурил он глаза.

– Да... на морозе как-то неудобно разговаривать, – выговорила Регина, боязливо оглядываясь – не видит ли кто из соседей, как она стоит тут с этим человеком, находится которому

в этом дворе совсем не полагалось, и настолько выглядел он здесь чуждым, что ей хотелось бы внезапно исчезнуть отсюда.

– Ну, так, может, в гости позовешь? – склонил он голову.

Ох, этот насмешливый взгляд, весь он пронзал Регину, ломал в крошку все ее достоинство, которое она с гордостью носила... Все это рушилось сейчас под этим взглядом, и видела Регина, что не действуют на него все эти атрибуты ее несомненно успешной жизни и высокого статуса. Всей своей прежней жизнью, налаженной и благопристойной, не была она к этому готова, оттого смущалась, терялась, суетилась и даже заискивала.

– В гости? – тупо повторила она, машинально постукивая одним сапожком по другому – середина февраля и впрямь выдалась морозной.

– Что? – выжидательно посмотрел он ей в глаза. – Не позовешь?

– Не знаю... – глупо хихикнула Регина, понимая в душе, что позвать его в гости совершенно невозможно, это просто безумие, и одновременно ощущая, что, если он станет настаивать, она не сможет отказать, послушно развернется на каблуках и шагами заводной куклы направится к подъезду. Откроет домофон, проведет в лифт, а затем и в квартиру, в свою, родную, отгороженную от всех посторонних как бронированной дверью, так и четким регламентом, ею самой заведенным.

– Да не бойсь, – осклабился он. – Домой к тебе не прошусь. Давай-ка прокатимся тут в одно местечко.

Он говорил так убежденно, что Регина не смогла и рта раскрыть, чтобы спросить, что за местечко такое, или возразить, что ей нужно на работу. А он уже тянул дверцу на себя, уже садился на переднее сиденье – уверенно, по-хозяйски.

– Ну чего застыла? – окликнул, накидывая ремень. – Вези меня, шеф!

Регина на негнущихся ногах обошла машину и села за руль. Повернула ключ, нажала на газ и выехала со двора...

Это было крушение всего. Крушение всей ее сытой, благополучной и устоявшейся жизни. И это бесконечно, это навсегда. Все, все хорошее закончилось. Никакого выхода нет, никакого способа вернуть все назад...

Так думала Регина, сидя в своем «Лексусе», тупо сжимая в руках руль и никуда не направляясь. Она сидела так уже минут десять – с того момента, как закончилась ее сегодняшняя нежданная-негаданная встреча. Чувств не было, они все словно умерли, оглушенные испытанным шоком. Не могла она сейчас ни соображать, ни чувствовать. Только и додумалась, что позвонила начальству на службу и, сославшись на то, что с утра поехала в сетевой супермаркет с предварительной проверкой, немного успокоилась: хоть эта проблема была решена, и ей не названивают с работы с вопросом, где она. Начальник немного удивился: ехать в супермаркет Регина самостоятельно не должна была, для его проверки, пусть даже и предварительной, нужно было как минимум два человека, и вообще, сама проверка еще не была до конца согласована. Однако то ли он решил отложить разбирательства до личной встречи, то ли просто ему самому было некогда вести долгие разговоры, но он отстал. И хоть это было хорошо. Никого, абсолютно никого Регине сейчас видеть не хотелось.

Когда она простилась со своим собеседником в Новогирееве, куда он попросил его подвезти, то поначалу не находила себе места и не знала, что делать. Просто нажала на газ и десять минут ехала по прямой. Потом завернула в какой-то безлюдный двор и там остановилась. Руки ее дрожали. Не меньше получаса просидела она так, закуривая длинные тонкие сигареты одну за другой и побивая, кажется, месячную норму потребления никотина: курила Регина нечасто.

Но постепенно оттаяла, мозг потихоньку заработал, и она приказала себе сосредоточиться, взять себя в руки и подумать. Три миллиона... Сумма, конечно, большая. Но не смертельная. Собрать можно. Другой вопрос – собрать незаметно. Три «ляма» просто так не выдержишь, такая дыра в семейном бюджете сразу станет заметной. И Вадим, каким бы покорным

мужем ни был, непременно поинтересуется, на что они истрачены. А деньги, как ни крути, и его тоже.

Попросить у отца? Он бы, может, и не отказал, но опять же – как объяснить, на что? Правду сказать совершенно невозможно. Соврать так, чтобы поверил, тоже. Ничего не приходит в голову. Черт, откуда же взялся этот... Регина снова не находила слов, она задыхалась от злости и ярости. Только сегодня утром вспоминая этого человека как чуть ли не главного в своей жизни, теперь она ненавидела его, готова была убить... И как она раньше не замечала, что от него нужно держаться подальше? Что такие знакомства до добра не доводят, это же было очевидно! Ведь он просто пустышка, ничтожество с криминальными наклонностями, и больше ничего! Дно, социальное дно, низ! С таким рядом стоять стыдно! Как, как можно было этого не понимать?

Регина стукнула сжатым кулачком в перчатке по рулю. Было невыносимо обидно, что теперь, когда все так гладко устроилось в ее жизни, появляется человек, не имеющий ни малейшего права даже на крохи от ее благосостояния, и – не просит! – требует, требует, и отнюдь не крохи! Сейчас Регине казалось, что вся ее прежняя жизнь была верхом счастья и благополучия. Проблемы с Вадимом выглядели таким пустяком в сравнении с обрушившейся на нее бедой, что она искренне изумилась тому, как переживала из-за них утром. Ясно же, что никуда бы Вадим не делся, что Регина не мытьем, так катаньем добилась бы, чтобы он остался в семье. И все было бы так же, как раньше, если бы не эта дурацкая встреча!

Регина вздрогнула, вспомнив тот миг, как на плечо ее легла тяжелая ладонь... Она и раньше вздрагивала от этих прикосновений, но по другой причине. Сидела и вспоминала наглый, уверенный взгляд, хозяйские интонации, с которыми он с ней разговаривал. Покровительственно так, даже снисходительно. Словно это он был сыном крупного чиновника, он занимал должность в Роспотребнадзоре и ездил на новом белом «Лексусе».

Он был уверен, что она не пошлет его. Более того, выслушает до конца и все проглотит – и эти презрительные интонации, и обидные слова. И так небрежно поведаль, чего от нее хочет... Ну, это понятно, чего. Тут он был банален и зауряден, как поголовное большинство. Хотя всегда строил из себя большого оригинала, «последнего романтика», презирающего скучные материальные блага и превозносившего свободу. Ага, сейчас! Это тогда Регина, как дура, слушала и ушами хлопала, верила. А теперь понимает, что деньги нужны всем, абсолютно всем. Потому что это и есть свобода.

Но три миллиона! Хватило же наглости! Она нервно выхватила из пачки еще одну сигарету, поднесла к тонким губам, увеличенным матово-красной помадой. С досадой отметила, что и губы тоже дрожат. Да, выбил он ее из колеи, выбил. Сволочь, гад! Регину аж передернуло, когда она вспомнила, как лениво, сквозь зубы он расспрашивал ее о жизни, попутно вставляя свои комментарии.

– Значит, поживаешь отлично, подруга, – говорил с удовлетворением, потягивая дорогой коньяк. – Выглядишь тоже неплохо. Вот что значит «бабки»! Даже из такой замухрышки, как ты, видная баба получилась. А была-то страшненькая, захудаленькая – посмотреть не на что. Кроме папашки. Папашка-то живой?

Регина, проглотив обиду, молча кивнула.

– Да не дуйся, – подтолкнул он ее локтем и засмеялся. – На правду не обижаются. Где бы ты была, если бы не папашка твой? Сама-то работаешь или на его шее сидишь?

– Работаю, – не без гордости сообщила Регина. – Проверяющей в Роспотребнадзоре.

И тут же прикусила губу. Зачем проболталась, раскрыла хлебную свою должность? Впрочем, он и так бы узнал. А если и нет, все равно не отказался бы от своих требований. В норковой шубе, за рулем «Лексуса» приbedняться глупо и бесполезно – все равно не поверит.

– Дело, – одобрил он. – А муженек твой чем занимается?

– У папы работает. В департаменте. – Она уже ничего не скрывала.

– У папы-ы? – протянул он. – Слушай, некисло устроился парень! Молодец, не растерялся! То есть у вас все хорошо. Образцовая такая семейка, вся из себя на понтах. Жаль.

– Почему? – не поняла Регина.

– Жаль, не всем так удастся в жизни устроиться, – пояснил он, снова наполняя рюмку. – Тебе плеснуть? Давай, расслабься!

– Нет, я за рулем не пью, – отказалась Регина, хотя выпить в тот момент ей хотелось ужасно. Чтобы хоть чуть-чуть отпустило, чтобы разжалась эта натянутая до предела пружина где-то внутри. Но в его компании еще и выпить – нет, не решалась. Боялась, что не сдержится и разревется. А такого позора допустить уж совсем было нельзя. Она и так опустила, как ей казалось, ниже плинтуса.

– Ну, как знаешь, – не стал настаивать он. – Твое здоровье!

И, высоко запрокинув голову, залпом влил в себя коньяк, уже не размениваясь на долгое смакование и ленивое потягивание. Манеры у него всегда были ужасными и с тех пор несколько не изменились. Регина стыдилась, краснела, давала зарок, что больше никогда не появится в этом заведении, где на них, хоть и не открыто, уже косились. Допив коньяк, он принялся за еду. Ел жадно и много, с аппетитом. Потом отставил тарелки и откинулся на спинку стула.

– Значит, так, подруга, – утерев губы салфеткой, заговорил по-деловому. – Мне так, как тебе, по жизни не повезло. Кто мои родители – сама знаешь, от них толку ждать не приходится. Папаша уже откинулся, царство ему небесное, алкашу несчастному. Мамашка на пенсии последний суп без соли доедает.

– А ты-то сам? – осмелев, вдруг спросила Регина.

– Я, подруга, ты знаешь, на дядю ишачить не привык. Это пусть другие горбатятся, а я свободу люблю. Надо мной никакой дядя стоять не будет. К тому же вернулся я в родную столицу без гроша в кармане, так что деньги мне на обустройство ой как нужны. Я же, подруга, тоже семью завел. Молодую жену куда-то привести надо? Надо. Да и самому местечко нужно, чтоб было куда кости бросить. Не у мамашки же в вонючей комнатухе нам всем ютиться, сама посуды.

Регине хотелось выкрикнуть, что ей глубоко плевать на его проблемы, и пусть ютятся хоть у мамашки, хоть где, раз не может и не хочет заработать. Но она сдержалась. Понимала, что только разозлит его таким поведением, и будет еще хуже. Поэтому продолжала слушать, надеясь, что удастся отделаться мелкой суммой, для нее незначительной. Не удалось...

– Словом, на первое время мне жилье нужно снять нормальное, – отмерил он. – Маши-нешку какую-никакую купить, а то, знаешь, пешком ходить – ног не хватит, а на такси дорого. «Метро есть», – снова хотела было вставить Регина, но плотно сомкнула губы.

– Ну, и прикид подобрать попримочней, а то в моей одежке стыдно по городу ходить.

Регина окинула взглядом его старую потрепанную куртку, линялые истершиеся джинсы, старомодные ботинки... Да уж, странно даже, что в таком виде он фейсконтроль прошел и их сюда пропустили. Ну, тут, конечно, Регинин имидж свою роль сыграл.

– Сколько же ты хочешь? – постукивая вилкой по краю тарелки, к содержимому которой даже не притронулась, поинтересовалась Регина.

Хотела, чтобы получилось небрежно, а вышло как-то жалко, боязливо.

– Три «лимона!» – бухнул он, не стесняясь, и снова расплылся в улыбке, увидев, как невольно вытянулось ее лицо от озвученной суммы. – Чего? Много? Да ладно, подруга, не прибедряйся! Для папашки твоего это вообще – тьфу, ерунда! С его-то возможностями? Уж, поди, не один круглый счет «зелененьких» у него на старость припасен, а? – и подмигнул ей.

– Ты сильно преувеличиваешь папины возможности, – возразила Регина. – Он простой госслужащий, с не таким уж высоким окладом...

– Да-да, – перебил он ее глумливо. – Простой московский чиновник, рядовой труженик с минимальным окладом. Я понимаю. Оттого и дочка у него в квартирке элитной живет,

в машинке новенькой ездит, в шубке сидит, сумочку между коленками прячет. Стесняется, видно, сумочки своей беднячкой...

Регина вспыхнула и заерзала на стуле. Сумочку она и впрямь держала под столом. В ней были деньги, крупные купюры, и ей не хотелось, чтобы он увидел их, когда она станет расплачиваться.

– Я не... – начала было она, но он махнул рукой, чтобы не продолжала.

Он все время вынуждал ее оправдываться, испытывать чувство вины, и это ему блестяще удавалось. Регина, которая сама была мастером вызывать это чувство и в общении умело применяла тактику манипулирования, проигрывала ему всухую.

– Короче! – жестко произнес он, стукнув ребром ладони о стол. – Мне твои стенания неинтересны. «Бабки» у тебя есть, и только от тебя зависит, что перевесит. Если благоразумие – все будет тип-топ, будешь и дальше жить в своем шоколаде со сливками. Если жадность бабья глупая – не взыщи. Все прахом пойдет. И винить тебе некого будет, сама выбрала. Но я думаю, ты все-таки неглупая девочка.

– Когда? – только и спросила она, автоматически выбирая первый вариант.

– Завтра, – отрубил он.

– Когда? – невольно вскрикнула Регина. – Так быстро?

– А чего тянуть-то? – расплылся он в улыбке. – Мне, знаешь, кушать каждый день хочется. И остальное...

– Но это невозможно!

– Да ладно, подруженька, не гони! Все возможно. Дома сейфик откроешь – и достанешь денежки. Видишь, как просто!

– Да ты с ума сошел! Подожди! – Регина заговорила серьезно, пытаясь воззвать к его здравому смыслу. – Ты что, в самом деле думаешь, что я стану держать дома такие деньги? В наличке? Не глупи, так давно никто не делает! Зачем? Есть много вариантов: карты, счет в банке, банковская ячейка... Ты просто от жизни отстал! Зачем хранить деньги наличными дома, где их в любой момент могут украсть? И охрана, сигнализация тоже, знаешь, средства ненадежные!

Регина говорила правду. Их соседей снизу полгода назад ограбили, причем как раз они только что поставили новую охранную систему. Вырубили ее воры, как детскую заводную игрушку! И все тихо, незаметно, профессионально. Как говорится, без шума и пыли. Так что никаких миллионов у Регины в квартире не было. Максимум тысяч сто, остальные на карте и на банковских счетах.

И он поверил. Регина видела, что поверил, и теперь главным было убедить его подождать. За это время можно было что-нибудь сообразить, обдумать все не спеша, а сейчас у нее голова кругом шла.

Он сидел, нахмурившись и уткнувшись взглядом в стол, перебирал пальцами, что-то прикидывал в уме. Регина замерла и слушала, как гулко колотится ее сердце. Казалось, вечность прошла, прежде чем он произнес:

– Лады. Сколько тебе нужно времени?

– Месяц! – брякнула она.

– Не-е-е, подруга, не пойдет! – покрутил он головой. – Куда тебе столько? До банка дойти – дело нескольких минут.

– Но так не делается! – Тут уж Регина взялась врать на всю катушку. Поняла, что он в этих делах и впрямь несведущ, от жизни безнадежно отстал за эти годы, даже картой, поди, пользоваться не умеет, да и не было у него отродясь ни карты, ни счета в банке. – Ты пойми, никто такую сумму наличными запросто не даст.

– Это почему? – набычился он. – В банке денег, что ли, нет?

– Деньги в банке, конечно, есть, – как можно убедительнее заговорила она, придав голосу еще и доверительные интонации. – Но тоже не бесконечные. Основной фонд хранится в «безнале». То есть на бумаге деньги есть, а по факту – нет. Выделяют определенную сумму, которой должно хватить на выплаты всяких там пенсий, небольших переводов и прочей ерунды. А такие суммы оговариваются заранее. Их нужно доставить специально, в сопровождении охраны. Сам пойми, банк ведь тоже рискует! Вдруг я с кем-то договорилась, чтобы эту сумму украсть? Нападут по дороге в банк, и денежки тью-тью! А отвечать банку!

Регина врала вдохновенно. Три миллиона, если они действительно есть на счете, получить можно было без проблем. Но сейчас, упомянув о возможных грабежах, она заговорила на понятном ему языке. Он и сам мыслил криминальными категориями, потому и поверил.

– Дело, – подтвердил серьезно.

– Ну вот! – ободренная, продолжала Регина. – Поэтому я должна вначале поехать в банк, написать соответствующее заявление, его примут к рассмотрению, потом назначат дату выплаты... И вот только в тот день я и смогу получить деньги. Все это займет время. Но трех миллионов у меня все равно нет! – тут же предупредила она и великодушно добавила: – Один наберу.

Он великодушия не оценил.

– Мало! – обрубил мгновенно и окончательно. – Смешно даже о таких грошах говорить.

«Ты попробуй заработать такие «гроши!» – возопило все внутри у Регины, но она уже более-менее наловчилась держать себя в руках. Сейчас разговаривать с ним «на понтах» было не с руки. Тьфу ты, даже мысленно на его жаргон перешла! Самой противно! Хорошо, никто не слышит ее внутреннего монолога.

– Говорю же тебе – нет у меня больше! – всю искренность, на которую была способна, вложила Регина в эту реплику.

Он еще подумал и наконец проговорил:

– Ладно. Значит, так... «Лимон» – через три дня, остальные – в течение месяца. Сегодня у нас какое? – Он задрал рукав и посмотрел на часы на левой руке – старую пошарпанную «Ракету». – Восьмое... Значит, к восьмому марта остальные два подгонишь. Как раз будет у тебя радость к Международному женскому дню!

– Это какая же радость? – удивилась Регина.

– Как какая, подруга? Старому корешу помочь – разве не радость? Эх, гнилой вы народец, я тебе скажу! Совсем прогнили, зажалась в своей скорлупе, о себе только думаете! Никаких святых понятий не осталось – ни о дружбе, ни о чести-совести!

Выглядели эти выпретенные высказывания настолько нелепо и фальшиво, что Регине захотелось плюнуть ему в лицо. Кто бы толковал о чести да о совести! Вслух же она сказала:

– Ты понимаешь, что у меня нет этих дополнительных двух миллионов?

– Детка, – нежно улыбнулся он. – Я понимаю, что ты их достанешь. Мне по барабану откуда, но достанешь. В этом я не сомневаюсь! И будет у тебя тоже радость – жизнь твою сытенную никто не потревожит. Для этого ты постарайся. Короче, – снова бросил он взгляд на часы. – Я все сказал, свиданка наша окончена. И тебе расслабиться некогда, тебе шустричь пора, подруга, чтобы аккурат через три дня ты денежки мне передала.

– Хорошо, как с тобой связаться? – спросила Регина.

– Я сам тебя найду, подруга. Надеюсь, ты понимаешь, что уезжать там на Канары-Мальдивы и прочие Греции смысла нет? Все равно ведь вернешься, а я встречи нашей дождусь. Прямо с трапа самолета встречать тебя буду. С цветами! – хохотнул он. – Но тогда уже процентики набегут. Усекла? – И прожег ее таким взглядом, что у Регины снова все вспыхнуло внутри.

Торопливо положив деньги на стол, она поднялась и, стараясь не споткнуться на высоких каблуках, пошла к выходу. Он шел рядом. Руки не подал, дверь перед ней не открыл. Но в

машину сел и подвезти попросил. Не попросил – приказал. Регина приказание исполнила и сейчас мучительно раздумывала над тем, как исполнить второе.

Просто не платить не выйдет. За нос водить и «кормить завтраками» тоже не получится – он сразу ее раскусит и поставит вопрос ребром. Постараться убедить – дохлый номер. Что же делать? Регина была готова просто прибить этого паразита, свалившегося ей на голову. Прибить, придушить, уничтожить!

На мгновение она задумалась. А что, если... И денег меньше уйдет, и, главное, наверняка. Навсегда. Но нет, нет! Нельзя. Господи, да что она, с ума сошла, что ли? Как же этот гад ее из колеи выбил, до чего она дошла в своих мыслях!

Так, спокойно. Эмоции – в сторону. Сейчас нужно настроиться на деловой лад и все-таки решить, где взять деньги. Регина курила, делая глубокие затяжки, и размышляла. Значит, отец отпадает, личные сбережения тоже – она действительно не хранила наличкой дома такие суммы, – остается... Кредит? Точно! Регина даже повеселела. Кредит можно оформить хоть сегодня, с ее зарплатой это не проблема. На работе справку взять – и сразу в банк. В три дня примут решение, и получит она всю сумму. А уж как ее погасить, придумает. Главное, сейчас проблему решить, а там видно будет.

Регина выбросила сигарету, покрутила руками в воздухе. Кажется, дрожь утихла. Она медленно тронулась с места и выехала со двора. Поначалу даже не сразу сообразила, где находится, но быстро сориентировалась. Проезжая по улице, увидела за окном отделение банка и хотела остановиться, но вовремя сообразила, что нужного пакета документов у нее с собой нет, а значит, и заезжать туда бессмысленно. Как ни крути, а надо ехать на службу. Там Регина всегда приходила в нормальное состояние, там обретала уверенность.

Она посмотрела на часы. Времени было одиннадцать двадцать. Она задержалась на два с лишним часа. И что говорить начальнику о посещении супермаркета? Наверное, лучше правду, что не ездила она туда и не собиралась, а сказать по телефону не могла, потому что... Неважно, по дороге придумает. Так, первым делом в бухгалтерию за справкой. С ней на руках Регине станет еще спокойнее. А вечером в банк. В любой, который после шести открыт.

Наметив план действий, она почувствовала себя уже гораздо лучше. По дороге на службу придумала еще одно решение: непременно посоветоваться с адвокатом. Хотя, казалось бы, в ее ситуации все было ясно, и никакой адвокат тут не подмога, а все же не мешало бы найти хорошего специалиста. Не такого, кто просто законы хорошо знает, а который умеет каждый из них повернуть в нужную сторону, то есть в пользу своего клиента. Может быть, тогда удалось бы прищучить этого вымогателя. Ушлый адвокат или даже частный детектив с юридическим образованием проверил бы его прошлое, прошерстил настоящее, глядишь, и нашел бы что-нибудь такое, за что его можно было бы ухватить. А уж на нем найдется, в этом Регина не сомневалась. И тогда у нее в рукаве тоже появлялся козырь. Его козырь – против ее. Он ей – все расскажу, она ему – посажу! Вот такой паритет. При таком раскладе он будет сидеть тихо и не пикать. А для надежности можно папой припугнуть. Соврать, будто сама все рассказала отцу и тот пообещал размазать шантажиста по стене, морально уничтожить. В крайнем случае и впрямь отцу признаться. Поймет, и простит, и сам молчать станет, не враг же он родной дочери! Вот так все вместе и сработает. Но это пока. А первую сумму все же заплатить придется. Слишком мало времени. Детектив пока еще раскачается да накопает компромат, да и перед папой, честно говоря, Регине не слишком хотелось исповедаться.

За окном мелькнула знакомая вывеска, и она невольно сбросила скорость. Большие белосиние буквы «Флагман» маячили на магазине. Это был крупный оптово-розничный центр по продаже алкогольной продукции. Только на прошлой неделе она проводила там предварительную проверку, и, конечно же, нарушений было выявлено полно. Регина с удовольствием их фиксировала и составляла отчет, когда директор отозвал ее в сторонку и, проникновенно и с пониманием глядя в глаза, протянул увесистый конверт. Тогда Регина отказалась. Это была

обычная практика с крупными клиентами: во-первых, автоматически набивало цену. Клиент все равно захочет откупиться, но в другой раз уже предложит больше. Во-вторых, крупный объект всегда согласовывался с начальством. И Борис Палыч Юркин непременно должен был быть в курсе. Дальнейшие переговоры возлагались уже на него. Именно ему звонил отвергнутый клиент, именно с ним договаривался о сумме, которая затем делилась между Борисом Палычем и проверяющим. В данном случае – Региной.

Тогда она конверт проигнорировала. Как водится, строго и сухо заметила, что за подобные вещи предусмотрена статья, и номер статьи, наизусть ею выученный за годы работы в Роспотребнадзоре, назвала безошибочно. Клиент попытался поугovarивать, на ходу поднял цену, но Регина была непреклонна. Отчет составила по всей форме в двух экземплярах, один директору оставила, другой с собой забрала и вечером положила Борису Павловичу на стол. Оставалось дожидаться своих процентов.

Однако результат оказался не таким, как она рассчитывала. Борис Павлович ничего по поводу «Флагмана» ей не сказал, и Регина, решив, что он задумал забрать себе весь гонорар, спускать такого не собиралась и сама задала вопрос в лоб.

– Нет, Регина, – неожиданно покачал лысеющей головой Юркин. – Денег этих я не возьму.

– Почему? – удивилась она.

Юркин неопределенно покрутил рукой в воздухе и неестественно улыбнулся:

– Потому.

– И что же делать? – растерялась Регина.

– Ничего, – пожал плечами Юркин.

– Но там нарушение на нарушении! – возмущенно воскликнула она.

– Региночка, но ты же не первый день в СЭС, – выразительно посмотрев на нее, ласково проговорил директор. – Сама знаешь, что делать! – И, словно в подтверждение, протянул Регине ее отчет.

Та молча взяла его и так же молча вышла из кабинета. Идя по коридору, гневно раздувала ноздри, внутри у нее все кипело. Палыч, сволочь, наверняка обошел ее! Сам договорился с директором, деньги себе в карман положил, а ей лапшу вешает! И то, что вернул ей этот отчет, наверняка означает, что «Флагман» проверками беспокоить не стоит. Ежу понятно, что Юркин оказывает директору ликеро-водочного свое покровительство!

Держа в руках отчет, она комкала его и хотела отправить в мусорную корзину, но почему-то передумала, разгладила и убрала в стол, в верхний ящик.

С тех пор прошла неделя, и Регина начала уже забывать об этом эпизоде и нанесенной ей Юркиным обиде, и вот сейчас бело-синие буквы напомнили ей об этом. Она снова почувствовала те эмоции, что неделю назад. Если бы Юркин не «закрыл» все деньги, сейчас как раз можно было решить нависшую проблему!

Сзади слышались сигналы автомобилей. Регина очнулась от своих мыслей и обнаружила, что стоит перед «Флагманом», загораживая дорогу и создавая затор. Нажав на газ, проехала перекресток, решив поговорить с Юркиным начистоту.

Однако Палыча на работе не было. «Ну, и к лучшему, – подумала она, закрываясь в своем кабинете. – Не узнает, во сколько я приехала. Впрочем, в этом серпентарии обязательно доложат!»

Коллектив свой Регина не любила и была уверена, что абсолютно все испытывают по отношению к другим те же чувства. А как иначе, когда меж сотрудников царит конкуренция?

Разве что одна Алена Пирогова, внучка какого-то академика на пенсии, напоследок своей карьеры пристроившего ее в Роспотребнадзор, вела себя с Региной по-другому: жизнью интересовалась, о себе рассказывала, в кафе приглашала кофе попить... В подруги набивалась, словом. Только Регину не проведешь, она сразу поняла, что у Алены к ней личный интерес.

С чего бы еще перед ней так распинаться? И держала всегда ухо остро: на вопросы отвечала вроде правдиво, но до конца ничего не рассказывала, внутрь не пускала. Сама Алена пользы никакой для Регины не представляла, и цепляться за эти отношения ей было ни к чему.

Не успела Регина подумать о Пироговой, как дверь ее кабинета открылась, и на пороге появилась сама Алена, как всегда, с улыбкой до ушей на симпатичном круглом лице, которое Регина считала глупым. Она терпеть не могла такие вот миловидные мордашки, считая их простоватыми, крестьянскими. Идеалом утонченности и изысканности для нее были такие, как у нее, – острые, с длинным носом и вытянутым овалом лица.

– Привет! – весело произнесла Алена, проходя без приглашения в кабинет и усаживаясь на стул для посетителей напротив Регины.

Регина специально держала в кабинете не мягкое удобное кресло, а жесткий стул – дисциплинирует и напоминает о серьезности организации, в которой находится клиент, и о тех неприятностях, что она может ему доставить. Срабатывало всегда на сто процентов.

– Чего такая кислая? – вертя в руках взятую со стола Регины безделушку в виде овечки – символ наступившего года, преподнесенный Палычем всем сотрудникам вместо премии, – осведомилась Алена.

Регина хотела было отделаться сухим ответом и сослаться на занятость, но вдруг подумала, что сейчас Алена может оказаться полезной, и спросила:

– Слушай, а где Юркин?

– Не знаю! – беспечно пожала плечами Пирогова. – С утра уехал куда-то, взмыленный весь, нервничал, на меня наорал... Да ну его! – махнула она рукой. – Сказал, что его не будет весь день. Вот и слава богу! Пойдем кофе попьем?

– Извини, Алена, – сосредоточенно обдумывая возникший спонтанно в голове план, отказалась Регина. – Сейчас не могу, дел много.

– Да ладно тебе! Палыча-то нет! Проверок на сегодня тоже не намечено, а прошлые отчеты уже готовы.

– Нет, извини, – твердо повторила Регина. – У меня там один отчет неполный оказался, нужно переделать.

– Ну, как знаешь, – разочарованно сказала Алена и поднялась. – А может, помочь тебе?

– Нет-нет, я сама, сама! – Регина торопливо выпроводила надоедливую Пирогову за дверь и заперла кабинет изнутри.

Вернувшись за стол, она прикусила нижнюю губу, чуть подумала и достала из сумки телефон. Набрал номер, услышала голос директора «Флагмана» и холодно заговорила:

– Максим Юрьевич? Это Регина Викторовна Берестова, Роспотребнадзор. Да-да. Вы знаете, я решила выслушать ваши аргументы и обсудить дальнейшие перспективы сотрудничества. Думаю, мы могли бы с вами найти некий компромисс...

Размытые формулировки были профессионально наработанными. Максим Юрьевич Холодцов и так отлично все понял.

– Разумное решение, Регина Викторовна, – одобрительно произнес он. – Встретимся у меня или у вас?

– Давайте у меня. – На своей территории Регина чувствовала себя королевой положения.

– Хорошо, как скажете. Когда вам удобно?

– Да хоть сейчас, – пользуясь отсутствием Юркина на месте, предложила Регина.

– О, вот прямо сейчас, простите, никак! Приношу глубочайшие извинения, но я сейчас на складе, – расшаркался Холодцов. – А вот после обеда – в любое время!

– Отлично, тогда жду вас в два часа в своем кабинете, – проговорила Регина и, выслушав на прощание любезности, но сама не произнеся ни одной, отключила связь.

Она потерла руками виски. Кажется, день складывается не так уж и плохо. Судьба словно решила компенсировать ей все пережитые ужасные впечатления утра, отправив и Юркина с

глаз долой, и так удачно подсунув Холодцова, о котором Регина вовремя вспомнила. Если он и заплатил Юркину, всегда можно сказать, что формально проверка не закрыта и представить отчет нужно. А проводить – тоже формально – должна она, Регина, а вовсе не Юркин. Таким образом, недвусмысленно намекнуть ему, чтобы поделился. А то с каких пор Юркин стал все себе заграбастывать?

Пусть делятся, а как – решают между собой, ее это не касается. Регина очень не любила, когда ее обходили.

Оставалось только дожидаться двух часов... И тогда можно будет и кредит не брать. Пока, по всяком случае.

...Без десяти два она сидела в кабинете за столом, бесцельно переключая папки, и старалась придать своему лицу спокойно-деловой вид. Честно говоря, удавалось плохо. Она нервничала и сама это чувствовала.

Ровно в два раздался стук в кабинет.

– Да! – громко произнесла Регина.

Вошел Холодцов – высокий, плечистый, с нахальной от осознания молодости и цветущего здоровья улыбкой на лице.

– Рад приветствовать, Регина Викторовна! – преувеличенно радостно приветствовал он Регину, подходя к ее столу и склоняясь с поцелуем к ее руке.

Это было уже совсем лишне и неуместно. Регина не приветствовала подобный стиль в отношениях с клиентами. В конце концов, они не в ресторане на свидании, и встреча их сугубо деловая и взаимовыгодная.

– Присаживайтесь, – сухо кивнула она на жесткий стул.

Холодцов уселся, небрежно поправил пиджак и с улыбкой произнес:

– Отлично выглядите, Регина Викторовна!

– Благодарю, – без эмоций ответила Регина.

– Я сразу понял, что вы умная деловая женщина, – продолжал соловьем разливаться Холодцов, – и что мы с вами найдем общий язык.

Левой рукой он уже доставал из внутреннего кармана конверт, который, как Регина отметила беглым взглядом, с момента первой их встречи значительно потолстел.

Холодцов, улыбаясь, протягивал конверт прямо ей в руки, и Регина, стараясь унять бие-ние сердца, думала о том, что вот так к ней в руки идет спасение. Однако конверт «не заметила», склонилась над столом и, будто невзначай, достала тот самый отчет, что составила неделю назад в центре «Флагман» у Холодцова. Он, разумеется, не мог его не разглядеть и, поскольку Регина старательно прятала взгляд, положил конверт на стол...

Тогда она подняла глаза и вопросительно посмотрела на него. Он сразу все понял и оттопыренными пальцами в воздухе показал сумму, которая лежала в конверте. Сумма Регину более чем удовлетворила.

– Ну, что ж, Максим Юрьевич, – неспешным голосом возвестила она. – Вижу, вы вняли нашим пожеланиям, провели работу по устранению нарушений... Надеюсь, что впредь у вас все будет в порядке.

– Спасибо, Регина Викторовна! – расцвел Холодцов. – Уверяю вас, вы не пожалеете о сотрудничестве с нашей фирмой! Разрешите?

Он снова завис над ее рукой, Регина милостиво кивнула, и Максим Юрьевич приложил губами к тыльной стороне ладони. Не переставая улыбаться, он направился к двери. И только когда за Холодцовым закрылась дверь, она выдохнула и протянула руку к конверту.

– Руки на стол! Отдел по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции! – послышался резкий окрик от двери, и в кабинет ввалились какие-то мужчины в штатском, кроме того, за их спинами Регина разглядела людей в форме и с автоматами.

Все резко оборвалось внутри. Рука разжалась, конверт упал на стол... Она почувствовала, как холодеет, но сквозь открытую дверь успела увидеть невозмутимое лицо Холодцова, на котором играла все та же улыбка.

– Это ваше? Что это? – спрашивал неприметный мужчина в сером костюме, показывая на конверт.

Регина слышала его голос сквозь густую пелену, словно уши ей заложило плотным слоем ваты. Она стояла как сомнамбула, ноги ее обмякли, и все остальные части тела стали как у тряпичной куклы. Мозг будто оступел. Не было уже ни страха, ни ужаса, ни мыслей о предстоящих проблемах, не было ощущения катастрофы. Все ощущения притупились, размазались.

Сквозь охвативший ее дурман она видела, как мужчина в сером костюме раскрывает конверт, достает оттуда купюры, смотрит на просвет и настойчиво велит посмотреть самой Регине и еще двум незнакомым людям в штатском, мужчине и женщине. На купюрах отпечатано крупными буквами «ВЗЯТКА», и Регина понимает, что это она сейчас получила взятку, и это стало известно ОБЭПу, и теперь ее ждет что-то непоправимо страшное, но стоит болван болваном и ничего не может сказать.

До нее не сразу дошло, что ее попросили вытянуть вперед руки, а когда она наконец сделала это, на них защелкнулись наручники. Мужчина в сером еще что-то говорил, затем Регину вывели из кабинета. В коридоре она видела вокруг испуганные лица сотрудников, перешептывающихся между собой. Мелькнуло лицо Алёны Пироговой, полное ужаса и сочувствия одновременно. Но крупным планом стояло перед глазами Регины лишь лицо Холодцова – наглое, холеное, самодовольное...

Проходя мимо него, она замедлила шаг и выдавила из себя:

– Ты... Мразь! Чтоб тебе на всю жизнь это боком вышло!

Холодцов ее взгляд выдержал спокойно, оскорбление и пожелание проигнорировал и проговорил:

– Я поддерживаю Указ президента о борьбе с коррупцией, Регина Викторовна. Чего и вам советую.

Ее подтолкнули сзади, и Регина, очнувшись от своего сомнамбулического сна, резко выпрямилась, гордо вскинула голову и, не оборачиваясь, с достоинством произнесла:

– Руки придержите! И предупреждаю – говорить буду только в присутствии адвоката!

Адвокат не приехал, но обещание Регина сдержала. В кабинете следователя, который ее допрашивал, не проронила ни слова, как только поняла, что в просьбе совершить телефонный звонок ей будет отказано. Она не велась на провокации следователя, не слушала его советы признаться во всем добровольно и начать сотрудничество со следствием в собственных же интересах, не рыдала, не рвала на себе волосы от раскаяния и не давала глупых зарок впрямь не брать ни единой копейки. Природная сдержанность пошла ей на пользу. Неведомо какими силами, она собрала все свое мужество и ждала. Ждала только одного – когда о случившемся узнает отец. Уж он точно вытащит ее отсюда, а до этого момента нельзя произносить ни слова. Без адвоката – ни слова, это Регина усвоила железно, еще когда только пришла на работу в СЭС.

...Уже потом, поздно ночью, кое-как скинув сапоги и без сил рухнув на свою одинокую холодную постель, Регина почувствовала, как кружится голова от всего, что навалилось на нее за эти ужасные, невозможные, словно не из ее жизни два дня. Уже проваливаясь в сон, она неожиданно поднялась, взяла свой телефон и, набрав номер, проговорила:

– Это я. Жду тебя завтра в двенадцать у «Парка культуры».

Глава 2

День начинался типично и обыденно, и лишь пробивавшийся сквозь пухлые тучи слабенький луч солнца свидетельствовал о скорой смене времени года. Погода стояла еще холодная – на дворе догуливал свой срок февраль – и явно не подходила для беззаботных прогулок по паркам и аллеям. Да и вообще, находиться вне стен дома было некомфортно: ветер, мороз, гололед... Те же, кто все же оказался на улице, сделали это вынужденно, а не из желания пройтись и подышать свежим воздухом.

Полковник Гуров и Крячко сидели в своем кабинете и просто радовались жизни. Ну, кто радовался, а кто не очень. Станислав, к примеру, был в плохом настроении. Более того, был крайне раздражен.

– И надо же было додуматься до такого! – гневно вскрикнул он, довершив свою реплику несильным, но отчетливо слышным ударом кулака по деревянной крышке стола.

Крячко всю жизнь производил впечатление добродушного и покладистого человека. По сути, он таковым и являлся. Ему были чужды такие неприятные в общении качества, как зависть, жадность, злословие, уж тем более он не был склонен к подлости и предательству. Стас был миролюбив, не агрессивен и склонен к шуткам и балагурству.

Однако при всех этих положительных качествах было у него еще одно, делавшее общение с ним порой невыносимым. Качество это проявлялось периодически, и Крячко в такие моменты буквально преображался – из добродушного и покладистого человека превращался в не слишком адекватного ворчуна. В этот раз он негодовал по поводу своей жены, которая его вечно «пилит и жизни не дает».

– Ну, ты представляешь, представляешь, Лева? – эмоционально взывал Крячко, сетуя на поведение супруги. – Вот что с ней не так? Может, врачу показать?

Гуров сидел за столом и пил горячий чай. Ему было не до проблем Крячко, которые он считал пустыми и суетными. Хотелось просто насладиться моментом приятного безделья, причем безделья заслуженного. Всего два дня назад они вместе с Крячко раскрыли очень сложное и серьезное дело о поимке банды угонщиков, на которое ушло много времени, сил и нервов. В процессе расследования Гурова даже начинало охватывать отчаяние, что никогда им не выйти на главарей. И теперь, когда все относительно благополучно завершилось и половину банды пересадили, а вторую перестреляли в ходе операции, а главное, прекратились угоны дорогих автомобилей с убийствами водителей, испортить настроение Гурову не могло ничто и никто. Поэтому он просто сидел и отдыхал, не понимая негодования своего напарника.

Ничего особо странного в поведении Натальи, жены Крячко, он не видел. Ей вообще было свойственно периодически покрикивать на Станислава, и всякий раз это было по делу. Гуров полагал, что и на этот раз Стас просто накосячил, за что теперь и отдувается. Дав ему выплеснуть добрую порцию распивавшего его гнева, Лев поинтересовался:

– Ну, а причина в чем? Из-за чего сыр-бор?

Крячко покраснел, щеки его надулись, а глаза увеличились в размерах раза в два.

– А мне откуда знать?! – с искренним возмущением вскрикнул он. – Я же к ней по нормальному, понимаешь, Лева? А она что?

Станислав очень ждал от Гурова солидарности, которая должна была выразиться в строгих порицаниях в адрес Натальи и безусловном осуждении ее поведения, но Лев лишь молча пил чай.

– Передай мне, пожалуйста, шоколад, Стас, – попросил он.

– Ты меня вообще не слушаешь, тебе лишь бы пузо набить! – обиделся Крячко.

– Кто бы говорил. Так ты передашь мне шоколад?

– Шокола-ад! – противным гнусавым голосом передразнил Крячко. – Вечно ты, Лева, выделяешься!

– А что не так? – удивился Гуров.

– Вот кто так говорит – шоколад? Сказал бы просто – шоколадку! Нет, нужно обязательно аристократа из себя корчить! – злился Крячко, не встретивший у друга поддержки и сочувствия. – Обрати внимание, ты даже картошечку простецкую как называешь?

– Как? – не понял Гуров.

– Картофель! – с явным презрением в голосе передразнил Крячко. – «Мария вчера приготовила картофельное пюре с куриным фрикасе!», или: «Сегодня в нашей столовой жареный картофель!» Тьфу!

– Знаешь, а ты не пробовал просто вести себя подобающе? – заметил Гуров, возвращаясь к больной теме отсутствия понимания в семье Крячко.

– А я что, веду себя неподобающе? – изумился Станислав.

– Это у тебя надо спросить. Почему Наташка начала на тебя кричать?

– Да черт ее знает, это же женщины! Кто вообще знает, что у них на уме? Вот сидит она такая и через секунду думает: «О, а чего это я так давно мужу мозг не пилила? Нужно срочно исправиться!» У меня, Лева, порой складывается впечатление, что женщины – это вообще не люди! Это пришельцы с другой планеты, призванные уничтожить весь человеческий род – то есть нас, мужиков! При рождении их забирают из родильного дома, отправляют на специальный астероид, где проводят полный курс по захвату планеты Земля, потом заставляют глумиться над мужиками, показывают им их слабые и сильные стороны, вбивают в голову программу по их уничтожению. Затем, по окончании этого курса, женщина радостно кричит «Я – БАБА!», после чего ей стирают тот участок памяти, который отвечает за посещение астероида, и возвращают младенцем на землю. И вот на протяжении всей жизни она как бы живет и понимает, что хочет семью и детей, но в голове у нее остался тот датчик, та программа, которая заставляет нас, мужиков, планомерно уничтожать!

– Слушай, Стасик, мне кажется, ты ошибся в корне! – расхохотался Лев.

– В смысле? – выкатил глаза Крячко.

– Ты избрал неверную профессию. Тебе нужно было стать писателем-фантастом, ибо фантазия у тебя развита на зависть отлично! Правда, тебе бы пришлось отваливать нехилую часть гонораров корректорам, которые бы замучились править орфографические ошибки в твоих опусах, либо нанимать наборщицу.

Стас надулся и замолчал, а Гуров продолжал:

– Я думаю, ты все же сильно заблуждаешься насчет женщин. Они на самом деле...

– А я вот в этом уверен! Иначе какой ей резон так ко мне относиться? – не стерпев, решительно возразил Крячко. – Пойми, Лева, я мужик! Я в семье главный! Все в доме на мне держится! А она не может этого простить и злится, что не получается мне перечить!

– А ты не думал, что корень проблемы кроется именно в тебе, а не в ней? Наверняка Наташка согласна, что ты глава семьи. Вот я, например, уверен, что у моей жены нет никакого датчика в голове. Тот, кто в семье главный, тот и настраивает на позитив или негатив всю семью.

– А у нас она настраивает! На один негатив!

– Тогда где же твое главенство, Стас?

– Я мужик, – повторил Крячко, считая это единственным неопровержимым аргументом в пользу своей позиции. – Как я скажу – так и должно быть. А она меня не слушает. И не уважает!

– Значит, проблема в тебе.

– Да ты знаешь, из-за чего она скандал вчера устроила? – вскинулся Станислав.

– Интересно послушать. А то ты уже полчаса жалуешься, а толком ничего не объяснил.

Крячко устроился на стуле поудобнее в предвкушении дожидаться наконец поддержки и заговорил:

– Прихожу я домой, значит, вечером, и говорю ей – Наташка, а дело-то мы раскрыли! А она как начала орать, даже не дослушала!

– А что орала-то?

– Дело раскрыл, молодец какой, а вазу со стола так и не убрал! Представляешь? Вазу!

– А чего же ты вазу не убрал?

– Да она там уже месяца два стоит, с Нового года осталась. В ней конфеты лежали вкусные, ну, я и прихватил к себе в комнату, на стол поставил у компьютера и ел потихоньку... Зачем мне было ее убирать оттуда? Чтобы всякий раз за конфеткой на кухню таскаться, да еще у нее выпрашивать, потому что она их от меня прячет? Ну, а потом я конфеты доел, а ваза осталась...

– То есть жена два месяца просила убрать вазу, а ты этого так и не сделал?

– Ну, забыл! Как конфеты кончились – так и забыл! Задвинул ее за монитор, и... А она сегодня полезла туда пыль протереть, не заметила и разбила. Руку еще осколком порезала. А виноватым я оказался, как всегда! Главное, не лезь куда не просят! Говорил ей тыщу раз – не тронь мое рабочее место!

– Знаешь, Стас, – снова засмеялся Гуров, – а ведь твоя жена права, что конфеты от тебя прячет.

– Почему это? – набычился Станислав.

– Да потому что ты как ребенок! Вот слушаю я тебя, и у меня такое ощущение, будто говорит это не пятидесятилетний мужик, а прыщавый юнец в переходном возрасте, когда гормональная революция в организме переворачивает все его представления с ног на голову.

– Ты не понимаешь, Лева! – Крячко вскочил со стула и завертел перед его носом указательным пальцем. – Не понимаешь! Это унижение меня как главы семьи! Я сказал: пусть ваза стоит там, где я ее поставил! Я глава семьи, если сказал, что ваза будет стоять там, – она будет стоять там! Все, точка!

– А зачем она тебе там нужна? – Гуров уклонился от пальца Крячко, которым тот чуть не зарядил ему в глаз.

Этот простой вопрос поставил Крячко в тупик. Эмоции кончились, в бой неумолимо рвалась логика, и Крячко не нашелся что ответить. Он просто сверлил Гурова испепеляющим взглядом. Тот спокойно отвечал ему тем же, прихлебывая чай. Неизвестно, чем бы закончилась эта глазная дуэль, но спустя мгновение дверь в кабинет открылась, и перед сыщиками предстал глава Управления внутренних дел, их непосредственный начальник генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов. Он окинул взглядом кабинет и, улыбнувшись, сказал:

– День добрый! Как отдыхается?

Крячко углядел в этом невинном вопросе подвох и мгновенно нахохлился:

– А чего – отдыхается? Нормально отдыхается! Дел нет – вот и не работаем! И вообще, имеем право!

– Да я и не говорю ничего такого, – начал оправдываться Орлов.

Крячко, мгновенно уловив неуверенные и даже несколько заискивающие интонации Орлова, стал в позу:

– Мы, между прочим, дело раскрыли, вот теперь и отдыхаем! Новых дел никто не давал, вот и сидим!

– Да я понял, понял, Стас, все нормально. Спасибо за дело!

– Хорошо, если нормально, – ворчливо проговорил Крячко. – Только вот «спасибом» сыт не будешь!

– Это ты к чему?

– К тому, что можно было бы хоть иногда нам с Левого премию выписать за успешно раскрытое дело!

– Я вам только перед Новым годом выписывал премию! – напомнил Орлов. – В размере оклада, между прочим!

Крячко окинул его длинным выразительным взглядом и сложил в щепотку пальцы, явно подразумевая «да сколько там того оклада?».

Он не зря вел эти бессмысленные препирательства, казавшиеся таковыми только с виду. Хитроватый Крячко уже подметил состояние Орлова. Генерал-лейтенант чувствовал себя явно неуютно. В другое время, будь он стопроцентно правым, он не спустил бы Крячко нахальства и строго одернул бы его. Сейчас же в Орлове явственно сквозила неуверенность, а это означало, что он чувствовал за собой или какой-то грешок, или просто неправомерность. Крячко заметил это и решил воспользоваться ситуацией, вызвав в начальнике еще большее чувство вины, который, будучи сейчас уязвимым, «велся» на эти дешевые приемчики. Заметил смущение начальства и Гуров, знавший Орлова не меньше Крячко. Орлов явно хотел что-то сказать, но мялся, и Гуров прервал тишину:

– Петр Николаевич, а в чем причина вашего визита?

– Да поинтересоваться просто зашел, что да как, ничего такого...

Фальшь в интонациях Лев заметил сразу. Да и не любил он, когда тянут кота за хвост.

– Товарищ генерал-лейтенант, может быть, перестанем размазывать кашу по тарелке, а перейдем к делу? – насмешливо прищурился Гуров, спросил он.

Орлов задумался, но промолчал. Стало очевидно, что у него есть некая работа к сыщикам, но, скорее всего, неофициальная, выходящая за рамки их прямых обязанностей, и далеко выходящая. Либо она была настолько неординарной, что никому в здравом уме не пришло бы браться за нее. Хоть Орлов никогда не злоупотреблял такими просьбами, однако сейчас, кажется, настал такой момент.

– В общем, вы правы, есть у меня некая, так сказать, просьба, – выдохнул генерал.

– Родил, наконец, – ехидно прокомментировал Гуров.

– Ну, так озвучивайте ее, Петр свет Николаевич, – расплылся в лицемерной улыбке Крячко.

Орлов еще пару секунд помолчал, что-то прикидывая, а потом загадочно произнес:

– А пойдете ко мне в кабинет. Там и побеседуем.

– О как! Секретность, значит! – подмигнул Гурову Крячко. – Петр Николаич, сразу предупреждаем: если речь идет об операции по уничтожению ИГИЛ – это не к нам!

– Стас, тебе не надоело кривляться? – грустно поинтересовался Орлов. – Шестой десяток ведь разменял...

– Во-во! Лева меня уже сегодня попрекал возрастом! – кивнул Крячко.

Но Орлов уже шел к двери.

– Ну вот, не успеваешь отдохнуть от одной работы, другая наваливается, – притворно вздохнул Станислав, поднимаясь с места. – Да и еще, скорее всего, чрезвычайно сложное дело, которое требует немедленного начала!

– Петр, подожди! – окликнул Гуров. – Хотя бы вкратце обрисуй ситуацию, чтобы мы знали, к чему готовиться.

– Да ничего такого страшного, расслабьтесь, – пожал плечами Орлов. – Просто пришел ко мне один человек... Шапочный знакомец, по сути. Но персона важная! У его дочери какие-то проблемы, вот просит помочь разобраться.

– И все? – присвистнул Крячко. – Да это мы в пять секунд разрулим! А дочка у него симпатичная?

– Двое взрослых детей, – ответил Орлов. – Скоро внуки будут.

– Ух ты! – Лицо Крячко вытянулось. – Такая старая? Что ж там за знакомец у тебя? Однополчанин по Куликовской битве, что ли?

– Это у тебя, Станислав, двое взрослых детей, – пояснил Орлов. – И внуки не за горами. Так что ты больше о работе думай, а не о молодухах!

– Принято считать, что в нашем возрасте о душе надо думать, Петр, а ты мне все работу сватаешь, – посмеиваясь, говорил на ходу Крячко, идя за Орловым.

Гуров вышел последним и запер кабинет на ключ. Пока они поднимались на третий этаж, где располагался кабинет генерал-лейтенанта, он уточнил:

– Ну, а все же, Петр? Что за человек хотя бы? Род занятий?

– Виктор Борисович Берестов, – сообщил Орлов. – Начальник отдела Департамента городского имущества.

Скрип тяжелой двери в приемную заглушил длинный посвист Крячко...

Все трое прошли мимо бессменной секретарши Орлова, обаятельной Верочки, за обитую кожей дверь. В кабинете, в кресле напротив стола Орлова, сидел плотный лысоватый мужчина лет пятидесяти. Из-за намечающейся на макушке лысины и выпирающего из-под тугого ремня серых брюк брюшка он казался старше своих лет. Гуров на его фоне выглядел моложе чуть ли не на целое поколение, а Крячко... Крячко и в молодости был широк в кости, любил плотно поесть и ненавидел стричься, посему постоянно ходил лохматым, что не добавляло ему опрятности в облике. Словом, с годами Станислав мало изменился, разве что раздобрел.

– Здравсте! – первым поздоровался он с сидевшим и, шагнув, протянул руку для приветствия. – Будем знакомы – Станислав!

Чиновник вынужден был подняться, чтобы ответить на него.

– Виктор Борисович Берестов, – произнес он.

– Полковник Гуров, – представился склонный к сдержанности Лев и, отойдя в угол, уселся на свой любимый стул с жесткой спинкой. В таких ситуациях он предпочитал молчать и слушать. А Крячко, напротив, хотелось почесать языком. К тому же он изначально избрал в отношении чиновника и его дочери ироничный тон и теперь готов был его придерживаться. И даже строго сведенные брови Орлова не убедили его сменить тон.

Крячко уселся в мягкое кресло и, нацепив на лицо благодушную улыбку, приготовился слушать. Проблемы чиновничьей дочки он явно не считал серьезными.

У самого Берестова, видимо, было другое мнение, поскольку он смотрел на Крячко не слишком одобрительно, бросив попутно вопрошающий взгляд на Орлова. Тот чуть заметно кивнул – дескать, все в порядке.

– Я перейду сразу к делу, – заговорил Берестов. – Моя дочь Регина работала в Роспотребнадзоре. Проще говоря, санэпидстанции. Работала шесть лет, вполне благополучно до вчерашнего дня. Вчера у Регины случились крупные неприятности. Она позвонила мне вечером и сообщила, что ее забрал ОБЭП, прямо с рабочего места. Якобы взяли с поличным, в момент получения взятки. Я сразу же поехал в ОБЭП и добился, чтобы ее отпустили домой. До суда.

– А ее действительно взяли с поличным? – осведомился Гуров.

Берестов поиграл скулами и проговорил не слишком охотно:

– Не знаю. В Роспотребнадзор я еще не ездил – не успел. А по телефону решать подобные вопросы считаю неуместным. Но со слов Регины, ее подставили.

– Так она брала взятку или не брала? – в лоб спросил Крячко.

Орлов еще ближе сдвинул брови, но вид у Крячко был самый невинный.

– Не знаю! – поморщившись, раздраженно проговорил Берестов. – Я считаю, что этот вопрос должны выяснить вы, профессионалы!

Он достал из кармана носовой платок и провел им по выпуклому лбу, на котором выступили крупные капли пота, хотя в кабинете Орлова было нежарко. Сам генерал-лейтенант по-

прежнему хранил молчание, не проронив ни слова с того момента, как они переступили порог кабинета.

– Но что конкретно вы от нас хотите, Виктор Борисович? – нарушил тишину Гуров. – Вы извините, но, по-моему, вы обратились не по адресу. Это не наш курятник.

– Что, простите? – возрился на него Берестов.

– Ничего, просто поговорка такая, – улыбнулся Лев. – Я имею в виду, что мы не ОБЭП, экономическими преступлениями не занимаемся и не слишком хорошо разбираемся в специфике данных дел. Тут мы не специалисты. Вам воспользоваться лучше помощью настоящих профессионалов. Думаю, Петр Николаевич может дать вам рекомендации, к кому обратиться.

Этой фразой Гуров как бы подвел черту их едва возникшему диалогу. Он даже сделал неумовимое движение, чтобы подняться и завершить таким образом беседу, однако глухой голос Берестова остановил его.

– Подождите, полковник! – властно проговорил чиновник. – Я еще не все вам сказал. Дело в том, что сегодня утром моя дочь умерла.

Гуров, потерявший интерес к беседе, мгновенно взметнул на него взгляд. Внимательно смотрел и Крячко.

– Регина умерла... – повторил Берестов. – Ее убили. – Мне позвонили в половине одиннадцатого утра на работу, сказали, что найдена убитой женщина, в сумочке которой обнаружены документы на имя Берестовой Регины Викторовны. Я немедленно приехал, надеясь, что это какая-то чудовищная ошибка, недоразумение. Думал, что у нее просто украли сумочку – такое случается. Но оказалось, нет. Это была моя дочь...

Официозные нотки ушли из голоса Берестова. Перед сыщиками сидел уже не солидный чиновник, а немолодой усталый человек, подавленный свалившимся на него горем. Под глазами у него залегли тени, носогубные складки резко обозначились. Сейчас он выглядел так, словно годился Гурову в отцы.

К тому же постоянно промокал лоб, пот с которого теперь катился градом, и тяжело, с присвистом, дышал.

Орлов отодвинул ящик своего стола и достал длинный цилиндрический флакончик с надписью на немецком языке. Он нажал на кнопку, и из флакончика вылезла зеленая пилюля. Генерал налил в чашку воды и протянул Берестову вместе с лекарством:

– Примите, это отличное сердечное средство.

Берестов благодарно кивнул, бросил пилюлю в рот и залпом выпил воду.

– Как ее убили? – спросил Гуров, настраиваясь на деловой лад. Он знал, что подобное всегда отвлекает от тягостных дум и переживаний.

– Что? Ах, да... Ударили ножом. В печень. Сразу насмерть. Ее нашли неподалеку от дома, в чужом дворе. Она лежала прямо на земле. Что она там делала – ума не приложу!

– Виктор Борисович, расскажите, пожалуйста, поподробнее о вашей дочери, – попросил Лев. – Сколько ей лет, есть ли семья, чем любила заниматься в свободное время. Вы, я так полагаю, хотите, чтобы мы нашли убийцу?

– Да! – твердо произнес Берестов. – Именно этого я и хочу! Я хочу знать, кому могла помешать моя дочь! У кого поднялась рука лишить жизни молодую женщину, мать... – Он не договорил и снова припал к чашке.

Через несколько минут Берестов, немного придя в себя, рассказал, что его дочь Регина проживала в квартире на Новослободской вместе с мужем и восьмилетним сыном. Что никаких особых увлечений не имела, была человеком домашним и вечера после работы предпочитала проводить дома. Никаких инцидентов на работе у нее не было, в семье тоже все было нормально. Кто и по какой причине мог желать ей смерти – совершенно непонятно.

– А вы живете отдельно? – уточнил Гуров.

– Да, конечно. В Крылатском.

– А ваша жена в курсе случившегося? – спросил Крячко.
– Моя жена? – Берестов, кажется, удивился. – Нет, я еще не сообщал ей. А при чем тут это?

Тут настал черед удивляться сыщикам.

– Но ведь она родная мать Регине! – заметил Крячко.

– Ах, вот что, – грустно усмехнулся Берестов. – Я забыл упомянуть. С матерью Регины мы развелись десять лет назад. Она живет отдельно – я оставил ей квартиру, в которой мы жили в браке. Хорошая «сталинка» на проспекте Мира. И Ольге я, разумеется, сообщил о смерти дочери. Что касается моей жены, не думаю, что ей необходимо знать об этом в первую очередь. Дома я, конечно же, все ей расскажу.

– Понятно, – кивнул Лев. – А муж? Мужу вы сообщили?

– Дело в том, что я почему-то не могу дозвониться до Вадима, – ответил Берестов, почему-то замямвшись.

– А где он работает? Нужно съездить туда, – предложил Гуров.

– Не нужно, – возразил Берестов. – Он работает у меня. Но тут вот какое дело... Вадим сегодня утром позвонил мне и попросил дать ему выходной. Сказал, что неважно себя чувствует.

– Вот как? И вы согласились?

– А почему нет? Вадим не склонен отлынивать от работы, к тому же сегодня я вполне мог обойтись без него, поэтому отпустил без возражений.

– А когда вы ездили на место происшествия, в квартиру заходили?

– Да, конечно, – кивнул Берестов. – Я думал, что Вадим спит, потому и отключил телефон, хотел рассказать про Регину... Но его дома не было, я застал только домработницу. Она сказала, что, когда пришла, квартира была пуста. У нее свой ключ, она всегда убирается, когда никого нет – Регина не любит присутствия посторонних в доме. Не любила... Я сказал, что она может идти домой, запер квартиру и поехал сюда.

– Странно, куда же мог деться ваш зять? Если он заболел, то должен был лежать в постели, – заметил Крячко.

– Не знаю, – развел руками Берестов. – Может быть, поехал в аптеку.

– Так сто раз уж должен был вернуться! – хмыкнул Стас. – А имущество их в браке приобретено?

– Вы на что намекаете? – холодно осведомился Берестов.

Крячко красноречиво зашевелил пальцами и с нажимом проговорил:

– Деньги. Это главный мотив всех преступлений после пьяной бытовухи. Но второе, как я понимаю, не ваш случай. Посудите сами: дочка ваша наверняка не бедствовала, квартира в новостройке в центре Москвы – это уже целое состояние по нынешним временам. Кому теперь достанется все это богатство?

– Вы переходите границы! – побагровев, бросил Берестов.

– Станислав! – строго произнес Орлов.

– А что такого? – повернулся к нему Крячко. – Вы подождите отмахиваться! Понятно, вам неприятно так думать, но поверьте, случай не столь неправдоподобный, как кажется. Да нам слевой не пересчитать, сколько раз мы с таким сталкивались за свою разыскную жизнь – правда, Лев? То муж жену кокнет, то жена мужа.

– Крячко! – повысил голос Орлов, но того было уже не остановить.

– А вот какие отношения были у вашей дочери с мужем? – полюбопытствовал он.

– Нормальные! – отрезал Берестов.

– Ругались часто?

– Все мужья и жены периодически ругаются, – сухо сказал чиновник.

– Угу, – с пониманием вздохнул Крячко. – Значит, плохие отношения...

– У вас телефон с собой? – вклинился Гуров, пытаясь прервать это возникающее на ровном месте противоборство.

– Разумеется, – отозвался Берестов.

– Звоните, – бросил Лев.

– Куда?

– Зятю вашему звоните, набирайте.

Берестов достал из кармана широкий айпад и набрал несколько цифр.

– Абонент недоступен, – сообщил он.

– Та-а-ак, – протянул Крячко, выразительно глядя на чиновника.

– Да вы что, с ума сошли, что ли! – в сердцах выпалил тот. – Как вы себе это представляете? Вот так просто убил жену и отключил телефон? Да еще и отпросился у меня с работы, чтобы уж точно лишиться себя алиби? Чуть ли не какая! А вы, Петр Николаевич, говорили, что пригласите лучших сыщиков!

– Успокойтесь, пожалуйста, – миролюбиво произнес Орлов. – Это действительно очень хорошие сыщики. Просто опыт подсказывает им самые распространенные версии, которые необходимо исключить. Знаете, это как при постановке диагноза у врачей: первым делом исключить явно неподходящие варианты, чтобы выбрать точный. Так и у нас. Значит, вашего зятя можно исключить из списка подозреваемых.

– Это было очевидно с самого начала, – проворчал Берестов, но объяснение Орлова его убедило.

– А кто ведет дело о смерти вашей дочери? – спросил Гуров.

– Следственный комитет, – ответил Берестов.

– Понятно. Вы, Виктор Борисович, периодически зятя своего набирайте – вдруг отзовется? Кстати, как ваша бывшая жена отреагировала на смерть дочери?

– Как она могла отреагировать?! В шоке была! С сердцем плохо стало, «Скорую» пришлось вызывать.

– Может быть, не стоило оставлять ее одну? – заметил Орлов.

– Она не одна, – возразил Виктор Борисович. – С ней ее супруг. Нынешний.

– Ясно, – кивнул Гуров и спросил: – Значит, вы виделись с дочерью последний раз вчера вечером, после того как забрали ее из ОБЭПа, верно?

– Верно.

– И куда вы поехали после этого? Отвезли дочь домой?

– Нет, сначала поехали ко мне. Регину нужно было успокоить, к тому же я хотел, чтобы она мне подробно все рассказала. Но подробно не получилось. Дочь всю трясло, она была ужасно напугана. Постоянно твердила: «Мне конец», хотя я пообещал ей уладить это дело.

– Вы упомянули, что ее подставили. Кто и зачем?

– Этого я пока не выяснил. Думаю, что в Роспотребнадзоре, кто же еще! Там же еще тот серпентарий, каждый другого задушить готов!

– Зачем же ваша дочь пошла работать в такое место?

Берестов усмехнулся и посмотрел на Гурова каким-то странным взглядом.

– Регине нравилась ее работа, – ответил он дежурной банальностью.

– Пусть так, – не стал спорить Гуров. – Что дальше?

– Дальше я дал Регине выпить коньяка, потом еще успокоительного накапал. Успокоил, как мог, и отправил домой.

– Вы лично ее отвезли?

– Нет, вызвал водителя. Он довез ее до дома, Регина отзвонилась и сказала, что собирается ложиться спать. Я пожелал ей спокойной ночи и отключился. Все разговоры и выяснения мы оставили на сегодня. Регина должна была оставаться дома, я планировал заехать к ней после работы. Но... Получилось так, как получилось.

– А Регина не собиралась куда-то выходить?

– Нет, не собиралась.

– Она была на машине?

– Нет, машина стоит в гараже. Она пошла пешком. Куда и зачем – представления не имею.

– Может быть, просто в магазин вышла?

– В магазин? Возможно... Хотя к ним регулярно ходит домработница, она могла ей заказать купить то, что нужно.

Гуров задумчиво смотрел словно сквозь Берестова и размышлял.

– У вашей дочери пропало что-нибудь? – неожиданно спросил он.

Вопрос поставил Берестова в тупик. Очевидно, он над ним пока совершенно не задумывался.

– Честно говоря, я не могу вам точно ответить. Просто потому, что не знаю, что у Регины было с собой.

– Деньги, драгоценности, телефон, айфон?

– Вы что, хотите сказать, что мою дочь убили ради какого-то айфона? – раздраженно воскликнул Берестов.

– Эх, знали бы вы, ради чего в наше время могут убить! – махнул рукой Крячко. – Впрочем, как и во все времена.

Берестову подобное высказывание пришлось явно не по вкусу, и он метнул недовольный взгляд в сторону Крячко. Станиславу это было как с гуся вода, он лепил то, что думал, не особенно церемонясь. У Крячко было еще одно интересное качество: он никогда не робел перед высокими чинами и начальственными лицами. На должности, звания, регалии ему было абсолютно наплевать. Ни перед кем он не заискивал и не трусил. Высокопоставленные лица, что заставляли его коллег трепетать и невольно вытягиваться в струнку, не производили на Станислава никакого впечатления. Он беседовал с ними ничуть не более почтительно, чем со своими приятелями, порой держась даже несколько насмешливо, но, что удивительно, с их стороны не было никакой неприязни к нему. В большинстве случаев Крячко удавалось разойтись с очередной «шишкой» вполне мирно, оставив о себе благоприятное впечатление. Вот это умение строить отношения с людьми, находить общий язык было его ценным качеством. Однако оно тоже требовало умелого применения. Стать с Берестовым «накоротке» у Крячко, кажется, пока не получалось. Виктор Борисович явно больше благоволил Гурову, державшемуся суховатым, официально и соблюдая дистанцию. Орлову, который, как часто бывало в его начальственном положении, оказался между двух огней, приходилось проявлять высший пилотаж дипломатии, дабы наладить контакт между всеми участниками этой беседы.

– В квартире Регины был произведен осмотр? – спросил Гуров.

– Кем? Мной? – уточнил Берестов.

– Следственным комитетом, – пояснил тот.

– Нет, они осмотрели лишь место, где все это... случилось с Региной.

– Что ж, тогда надо поехать и осмотреть, – Гуров посмотрел на Берестова.

– Но... Я не понимаю – а что там осматривать-то? – пожал тот плечами.

– Виктор Борисович, – чуть снисходительно пояснил Лев, – вы говорили о профессионализме. Так вот, когда речь идет о тяжких преступлениях – это уже наш профиль. Вот тут мы на своем месте, и если предлагаем что-то сделать, то не развлечения ради, а потому что так надо. Для следствия. Вы же знаете, как распоряжаться городским имуществом? А мы знаем, как раскрывать преступления. Так что лучше предоставить это нам. Согласны?

– Пожалуй. Да я не против! Давайте проедем. Только чуть позже. Я еще не все вам рассказал. Просто на фоне смерти дочери все это выглядит... довольно мелко. Хотя и не совсем.

– Виктор Борисович, перестаньте уже говорить загадками, – поморщился Гуров. – Что еще?

– Меня вчера ограбили, – после паузы произнес Берестов. – Точнее, обокрали, но сути дела это не меняет.

– Еще как меняет! – воскликнул Крячко. – Это ж другая статья!

– Стас, погоди! – отмахнулся Гуров. – Расскажите подробно, как это произошло?

– Вчера у меня была при себе крупная сумма денег, – стал говорить Берестов. – Я специально снял их, чтобы уплатить за освобождение Регины. К счастью, этого не понадобилось – достаточно было моей беседы с начальником отдела. Регину тут же отпустили. Деньги я, разумеется, взял с собой. Дома положил их в секретер, и... Они исчезли.

– Что значит исчезли? – нахмурился Гуров. – Испарились?

– Нет. Кто-то проник в дом в наше отсутствие.

– А у вас что, не стоит сигнализация?

– Сигнализация не сработала. Замок не взломан – видимо, открывали отмычкой.

– И что, вы хотите, чтобы мы сделали и это? – подал голос Крячко. – Нашли ваши деньги?

– Деньги – это второстепенно! – махнул рукой Берестов. – Я просто рассказываю это как дополнительный факт. Как еще одну неприятность, постигшую меня вчера вечером. Главное же для меня – найти убийцу дочери. Это, как вы понимаете, уже не неприятность! Это называется другим словом!

– Ясно, тогда все разъяснения по краже оставим на потом, – мотнул головой Крячко.

– Вы зятя своего еще раз наберите, – напомнил Гуров.

Берестов снова достал свой телефон и набрал номер. Спустя несколько секунд он воскликнул:

– Вадим, ну, наконец-то! Ты где? Ты что, не знаешь ничего? Несчастье у нас, Вадик... Нет, не с Ольгой Александровной. С Региной... Словом... Нет ее больше. Ох, не хочу я по телефону ничего объяснять! Давай приезжай домой, мы сейчас тоже туда подьем. Все, до встречи...

– А мне что делать? – подал голос Крячко.

– Езжай в СЭС, – предложил Гуров.

– Я бы лучше сперва к матери съездил, – сказал Стас.

Гуров повернулся к Берестову и попросил:

– Дайте, пожалуйста, адрес вашей бывшей супруги.

– Вы считаете своевременным беспокоить ее именно сейчас? – попробовал возразить Берестов, но Гуров вновь напомнил, что им лучше знать, что своевременно в сложившейся ситуации. Чиновник не слишком охотно продиктовал адрес.

– Подождите, пожалуйста, внизу, я сейчас спущусь, – сказал ему Гуров.

Орлов, восприняв это как непочтительность, поднялся и прошел проводить чиновника.

– Слушай, Стас, – задумчиво проговорил Гуров, когда они с Крячко остались вдвоем. – Может, действительно не стоит сейчас беспокоить мать? Сначала в СЭС, а потом уж к ней?

– Лева, ты не понимаешь, – завертел головой Станислав. – Прежде чем беседовать с остальными, нужно выяснить подробности у близкого человека.

– Отец уже обрисовал картину в целом...

– Нет, Лева! Мать – она всегда к дочери ближе. Отец может быть и не в курсе, учитывая, насколько он человек занятой. Как часто он с дочерью виделся-то, если у него работа и молодая жена?

– А с чего ты взял, что она молодая?

– Лева, ну, ты даешь! – хмыкнул Крячко. – Кто ж к старой уйдет после сорока? Зачем? Шило на мыло менять? Голову даю на отсечение – там фифа молодая. Ну, как... Лет на двадцать моложе нашего папашки.

– Ладно, бог с ней, с фифой. Раз уж ты так настаиваешь, расспроси обо всем – об отношениях с мужем, о подругах, о проблемах на работе...

– Лева, кого вы учите? – обиделся Крячко. – Само собой, все выясню.

– И в СЭС будь повнимательнее, хорошо?

– Да про СЭС можешь вообще не говорить! Вот в чем папаша прав, так это в том, что там действительно серпентарий. Большого рассадника коррупции в России представить нельзя, разве что в суде или налоговой. Там только и норовят подставить другого, чтобы занять его тепленькое местечко. Сам прикинь, Роспотребнадзор – это ж какая сила! Король над всеми бизнесменами столицы! Магазины, рестораны, отели – все им подчиняется. Захотят – такой штраф наложат, что мама не горюй. Или вообще прикрыть могут. Так что все – все, Лева! – предпочитают решать вопрос полюбовно. А ты еще у папашки спросил, зачем дочурка там работала! Наивный такой, Лева! Да за этим самым! – Крячко снова зашевелил пальцами, изображая шелест купюр, и сменил тему: – А ты там к муженьку все-таки присмотришься. Мужья – они, знаешь, больше всех от смерти жен выигрывают!

– Ох, Наташка тебя сейчас не слышит! – засмеялся Гуров. – А то был бы тебе новый скандал обеспечен!

– Я – исключение, – возразил Крячко. – Мне от смерти жены толку нет, поскольку все наше с ней совместно нажитое имущество давно завещано детям. И вообще, типун тебе на язык, Лева! Хочешь меня вдовцом сделать на старости лет?

– Я? – изумился Лев. – С чего ты взял?

Но Крячко уже нахлобучивал на голову вязаную шапочку, которую вытащил из кармана.

– Все, некогда мне с тобой лясы точить, – обрубил он. – Поехал я. – И вразвалочку отправился к выходу. Правда, сначала вернулся в кабинет, сдернул с вешалки свою выдавшую виды куртку, нацепил на себя и спустился вниз.

Берестов стоял возле окна дежурки и беседовал с Орловым и Гуровым. Крячко прошел мимо, пробурчав что-то на ходу, а Лев сказал Берестову:

– Вы поезжайте впереди на своей машине, а я за вами. Если что, адрес я помню.

Виктор Борисович кивнул, попрощался с Орловым за руку и вышел на улицу.

Гуров повернулся к Орлову и прямо спросил:

– Петр, у меня только один вопрос: это дело мы ведем официально? Отбираем его у СК?

– Нет-нет-нет, Лева, что ты! – затряс головой и руками Орлов. – Никакого официоза! Не стоит ссориться с комитетчиками, пока нет нужды. Давай так – неофициально, осторожненько, в порядке, так сказать, личной просьбы уважаемого господина чиновника.

– Ох, вот любишь ты, Петр, юлить перед чинами! – с досадой заметил Гуров. – Вечно на две стороны раскланиваешься – и нашим, и вашим!

– Езжай, Лева, езжай! – отечески напутствовал Орлов.

А когда Гуров ушел, проворчал со вздохом:

– Тебя бы между этими сторонами поставить – как бы ты завертелся? И не на две – на три, на четыре приходится раскланиваться!

Выйдя на улицу, Гуров увидел, как Берестов сам сел за руль черного «Мерседеса» и сразу тронулся с места. Он поехал следом за ним, по дороге предавшись размышлениям о ситуации. Как ни крути, а версия Крячко насчет заинтересованности мужа в смерти жены сидела у него в голове. И Гуров обдумывал ее.

На самом деле, конечно, глупо было бы так в открытую убивать свою жену. Как признал отец погибшей, отношения между супругами были не самые лучшие. Косвенным подтверждением этому был и тот факт, что Регина с мужем носили разные фамилии. Прямым наследником всего ее имущества являлся именно Вадим, поэтому на него первого падали подозрения. Но кто в здравом уме возьмет отгул с работы, выключит телефон и поедет убивать свою жену на улице, посреди бела дня, еще и таким способом? Гуров не был знаком с Вадимом Денисовым, однако, судя по тому, что о нем успел рассказать Берестов, он представлялся человеком адекватным и явно не идиотом, поэтому не стоит с ходу давить на парня, а сначала присмотреться

к нему и послушать, что он скажет. Да и Берестов, кажется, находился на стороне Вадима, уверяя, что тот не способен на такой поступок.

Глава 3

Дорога к дому супругов была достаточно долгая, и Гуров смог примерно составить план разговора с Вадимом. В первую очередь он хотел определиться в его истинных чувствах к Регине. Однако тот мог бы сказать все, что угодно, в присутствии тестя. Гуров решил пока не ломать голову, как именно построить беседу, чтобы она получилась максимально плодотворной, сориентироваться на месте.

Подъехав по нужному адресу, Гуров не увидел машины Берестова. Тот потерялся где-то по дороге, оторвавшись от Гурова на одном из светофоров.

«Странно, в пробку, что ли, попал? – подумал полковник. – Другой дорогой поехал? Что ж, придется ждать».

Спустя пару минут он увидел, наконец, знакомый «Мерседес», за рулем которого сидел сам чиновник. Подойдя к «мерсу» и склонившись к окну, Лев сразу учуял запах алкоголя.

– Вы что, пьяным за рулем сидели?

В подтверждение своей догадки он увидел в руке чиновника плоскую бутылку коньяка.

– Лев, у меня горе, не лезь в мои проблемы, а занимайся своими делами, – уже не слишком твердым языком проговорил Берестов, отпил из горлышка еще немного содержимого и, бросив бутылку на сиденье, вышел из машины. – Пойдем, – сказал он и повел Гурова в подъезд.

Поднявшись на лифте, они оказались на просторной площадке многоэтажного дома. Берестов открыл дверь и пропустил Гурова вперед. Зайдя внутрь, сыщик сразу оценил богатую обстановку в доме, однако ощущения, что здесь живет женщина, у него не возникло. Внутри не пахло едой, порядка в этом доме тоже явно не видели, несмотря на то что, по словам Берестова, сюда регулярно приходила убираться домработница. Регина, судя по всему, не занималась домашними делами вообще. И дело было даже не в грязи – нет, грязно не было, – а в отсутствии уюта. Не хватало каких-то милых домашних мелочей, безделушек, цветов в горшках и всего того, что делает дом по-настоящему жилым. Квартира Регины напоминала гостиничный номер, комфортабельный люкс, где все было роскошно и в то же время безлико и казенно.

Разувшись и пройдя по длинному коридору вперед, Гуров остановился в просторном холле. Он был практически пустым, и от этого казался еще огромнее. В углу стояла какая-то новомодная скульптура в авангардистском стиле, состоявшая из металлических конструкций, да встроенный во всю стену шкаф с зеркальными дверцами.

Берестов прямо в ботинках прошагал через холл к двери и, толкнув ее, прошел внутрь. За ним проследовал и Лев. Внутри большой квадратной комнаты с белой мебелью сидел за стеклянным столиком довольно молодой мужчина. Перед ним стояла бутылка коньяка и какая-то скудная закуска. Бутылка была закупорена, да и к еде парень не притронулся. Гуров понял, что это и есть Вадим Денисов.

Эта комната выглядела лучше в плане украшений – вот здесь уже видно, что интерьер составляла Регина. Все было броско, роскошно и в то же время безвкусно и не создавало ощущения гармонии. На стенах висели картины, повсюду стояло множество ваз, преимущественно больших размеров, в углу на белой тумбочке – музыкальный центр, за стеклянной дверцей шкафа виднелись женские фотографии, изображавшие, по всей видимости, саму Регину – худощавую, остроносую, с поджатыми узкими губами, утолщенными красной помадой. Одетая она была ярко и броско, но чаще неудачно. Наряды не подходили по своему стилю к ее внешности. Однако в серых глазах застыли самодовольство и вызов.

«Маленькая стервочка», – сделал вывод Гуров, мельком обежав глазами снимки.

На одном из них был запечатлен мальчик лет семи, похожий на Вадима: голубоглазый, миловидный, с мягкой волной каштановых волос на лбу.

«Возможно, сын, – подумал Лев. – Странно, что нет фотографий Вадима. И ни одного семейного фото».

Денисов был одет в строгую оливкового цвета рубашку и костюмные брюки, пиджак от которых висел тут же на спинке стула. На ногах его были тапочки, что в сочетании с деловым костюмом выглядело очень нелепо. Сам он был крайне растерян и удивлен, это читалось невооруженным глазом. Увидев отца Регины, тут же встал и бросился к нему.

– Виктор Борисович!..

Берестов обнял его и похлопал по плечу:

– Да, да, да. Вот так, Вадик, вот так... Кто бы мог подумать, кто бы мог подумать...

Гуров стоял у стены и молчал, со стороны наблюдая за этой сценой. Судя по всему, Берестов искренне симпатизировал своему зятю.

– Как это произошло? Когда? – отстранившись, спросил Вадим у Виктора Борисовича, пожимая ему руку. Посмотрев на Гурова, он протянул руку и ему, но заострять внимание на сыщике не стал.

– Сегодня и произошло, Вадик. Утром. Ты что, правда не в курсе?

– Нет, Виктор Борисович, так уж получилось... Я... Я потом вам все объясню, – проговорил Денисов, бросив взгляд на Гурова.

Берестов постарался взять себя в руки и настроиться на деловой лад.

– Вадик, как ты видишь, я пришел не один. Это Лев Иванович Гуров, полковник из Главного управления МВД. Он займется убийством Регины. Точнее, его расследованием. Это я его пригласил, в частном порядке. У него есть к тебе ряд вопросов. Ответь на них, пожалуйста.

От Гурова не укрылось, что Берестов хоть и благоволил Вадиму, сохранял в общении с ним покровительственные интонации. Впрочем, скорее всего, не только с ним, а вообще. Привыкнув к своей должности, он переносил начальственные нотки и в обычную жизнь. Что ж, ничего удивительного, подобная манера свойственна многим, занимающим руководящие посты.

Он отошел в сторону со словами «не буду вам мешать», однако из комнаты не вышел, а устроился перед тем самым овальным столиком, за которым минуту назад сидел Вадик. Гуров увидел, что Виктор Борисович сразу потянулся к стоявшей на стеклянной столешнице бутылке с коньяком и с характерным треском отвернул крышку.

Вадик тем временем вопросительно посмотрел на Гурова, и тот сразу перешел к делу. Особой скорби на лице Вадима он не заметил, впрочем, как и тревоги или беспокойства. Скорее растерянность. Вот именно – растерянность и неуверенность.

– Вадим, вы готовы ответить на мои вопросы? – начал полковник и, поймав утвердительный кивок, задал первый: – Когда вы в последний раз виделись с женой?

– Вчера вечером.

После ответа парень отвел глаза в сторону, а Виктор Борисович очень удивился. Он застыл с бутылкой в руке, посмотрел на Вадима и спросил:

– Вадик, а что, Регина вчера была в загородном доме?

– Нет, не была, – бросил Вадим, не глядя на тестя. Гурову стало понятно, что его опасения оправдались: в присутствии отца Регины Вадим многое не расскажет, и нужно было как-то менять ситуацию.

– Виктор Борисович... – начал он, на что Берестов, сразу его поняв, ответил:

– Хорошо, я все понимаю. Пойду на кухню.

Он поднялся с дивана и, прихватив бутылку с собой, направился к двери. Возле нее обернулся и, еще раз посмотрев на зятя, сказал:

– Я надеюсь, мы позже объяснимся?

– Обязательно, Виктор Борисович! – с какой-то решимостью во взгляде ответил Вадим.

Берестов тихо кивнул и вышел.

– То есть с женой вы виделись в последний раз вчера? А почему не сегодня? – спросил Лев, когда они остались наедине.

Вадим прикусил губу, потом с вызовом взглянул на него и произнес:

– Потому что я не ночевал дома, вот и не виделись.

– Понятно, – качнул головой Гуров. – А по какой причине не ночевали?

– По личным делам, – сухо проговорил Денисов и вновь отвел глаза в сторону.

– Хорошо, поставим вопрос по-другому: где вы ночевали?

– У одного знакомого, – не раздумывая, бросил Вадик.

– Просто у знакомого? У случайного? – сыронизировал Лев.

– Ну, что вы к словам придираетесь? У друга ночевал!

– Хорошо, продиктуйте мне имя и адрес вашего друга.

– Это еще с какой стати?

– С такой, чтобы удостовериться в том, что вы меня не обманываете.

– Я не хочу подставлять друга и адреса его оглашать не буду. Это мое личное дело! –

Вадим вздернул подбородок. Подбородок был мягким, округлым и отнюдь не добавлял внешности Вадима мужественности. При этом парень был весьма привлекателен и наверняка ловил интерес представительниц прекрасного пола.

Гуров, подавив вздох, присел на диван, разгладил брюки на коленях и терпеливо продолжил:

– Молодой человек, в такой ситуации никаких личных дел у вас быть не может. Сейчас как раз тот случай, когда вам выгоднее быть полностью откровенным со мной. Я веду это дело не то чтобы в частном порядке, как выразился ваш тесть, но, можно сказать, неофициально. А вот Следственный комитет – другое дело. Как вы понимаете, они тоже не поверят вам на слово и станут выяснять, где вы ночевали на самом деле. И поверьте мне – они это выяснят. А когда поймают вас на вранье, их отношение к вам очень изменится, и отнюдь не в лучшую сторону. Поэтому мне, – сделал Лев акцент на слове «мне», – вам выгодно рассказать правду. Вы сейчас находитесь не в том положении, чтобы скрывать что-то. Вы растеряны и явно нуждаетесь в помощи и совете, и если хотите, чтобы я вам помог, вы должны рассказать мне все, и не утаивать никаких деталей.

– Я не нуждаюсь в помощи, – упрямо повторил Вадим.

Гуров пристально посмотрел на него. Как ни странно, острого раздражения парень у него не вызывал. Он видел перед собой глупого мальчишку, который упрямится из какого-то выдуманного самим принципа. Но «мальчишке» было все же уже под тридцать, посему особо церемониться с ним полковник не стал.

– Вадим, вы, кажется, не отдаете себе отчета, в каком дерьме оказались, – проговорил он. – Поймите, ваша жена не просто умерла – она убита. Вы не ночевали дома и утром находились непонятно где. То есть, выражаясь языком юриспруденции, алиби на момент ее гибели у вас нет. Кстати, кто становится наследником вашего имущества?

– А это здесь при чем? – вспыхнул Вадим.

– При самом, что ни на есть, при том! Очевидно, что наследник – вы. Ну, и ваш сын, разумеется, что в данном случае одно и то же. Если, конечно, вы не заключали брачный договор, в котором прописано, что в случае смерти супруги лишаетесь всего. Вряд ли Регина предполагала умереть в двадцать восемь лет, ведь так?

Вадим молчал. Кажется, до него начал доходить смысл разъяснений Гурова...

– Так вот, – продолжал тот. – Ваша жена убита, вы владелец роскошной квартиры в центре столицы и остальных материальных благ, как думаете, кто станет первым подозреваемым при таком раскладе?

Теперь в глазах Вадима появился явный испуг.

– Но я правда не убивал свою жену! – воскликнул он. – Если не убивал – чего мне бояться, верно? А где я был – это лишь мое дело, не так ли?

– Ваше, но не в данном случае, – покачал головой Гуров.

В этот момент послышался звонок в дверь. Вадим испуганно посмотрел на сыщика и вышел из комнаты. Из кухни высунулся Виктор Борисович.

– Вадик, ты кого-то ждешь? – спросил он, и Гуров отметил, что с момента, как Берестов уединился с бутылкой коньяка, его артикуляция нарушилась еще сильнее.

– Н-нет, Виктор Борисович, – проронил тот и шагнул к двери.

– Пойдите, – остановил его Гуров и прошел сам.

Берестов предпочел скрыться в кухне, видимо, ощущая себя не на высоте от выпитого и предпочитая не показываться в подобном виде перед кем бы то ни было.

Гуров посмотрел в глазок и увидел двоих мужчин. Хотя они были в штатском, полковник безошибочно определил, что они имеют отношение к силовым структурам. В подтверждение из-за двери послышался мужской голос, полный уверенности от привычного ощущения власти:

– Следственный комитет, откройте, пожалуйста!

Лев тут же открыл дверь.

– Денисов Вадим Константинович? – казенным голосом осведомился один из мужчин – средних лет, одетый в «президентскую» аляску.

– Нет, это не я. А на документы ваши можно взглянуть?

Комитетчики не стали спорить и практически синхронно вытащили свои удостоверения. Главным был майор Коршунов, а его спутником – капитан Гончаренко.

– Хорошо, – проговорил Гуров, доставая свое. – Полковник Лев Гуров, Главное управление внутренних дел...

Комитетчики переглянулись.

– А что «управа» здесь делает? – удивленно спросил Коршунов. – Вас тоже вызвали?

– Не совсем, – не стал вдаваться в подробности Гуров. – Но так уж получилось, что я тоже здесь.

– Так, понятно, – кивнул Коршунов, входя в квартиру. – Не знаю, зачем вы здесь оказались, но у нас свой приказ. – Он достал из плоской папки листок бумаги и, держа его в руке, спросил: – Так кто здесь Денисов?

Поколебавшись, Вадик шагнул вперед и слегка дрогнувшим голосом произнес:

– Я.

– Вот постановление о вашем задержании, – помахал перед ним листком майор и приказал Вадиму собираться, а посторонним удалиться из квартиры.

– На каком таком основании? – вознегодовал Вадим. – Не имеете права!

– Вообще-то имеем, поскольку вы являетесь главным подозреваемым по делу о смерти Регины Викторовны Берестовой. К тому же у вас был прямой мотив, и, как нам стало известно, не один. – При последних словах майор прищурился и буквально вперил взгляд в Вадима.

Гуров решил вмешаться в разговор.

– Разрешите? – протянул он руку.

– Да, пожалуйста, – пожал плечами майор.

Лев пробежал глазами документ. Он был составлен по всем правилам. Похоже, спорить было бессмысленно. К тому же Лев не хотел с ходу портить отношения с комитетчиками. Между их ведомствами с незапамятных времен царил конкуренция, и сейчас ему было невыгодно настраивать СК против себя. Он решил договориться миром.

– Что ж, основания законные. У меня только одна просьба – подождите немного, мы договорим.

– Это еще с какой стати? – сдвинул брови Коршунов.

– Мы просто не закончили разговор.

– Ну а нам какое дело? – недовольно подал голос капитан.

– Мужики, – улыбнулся Лев, – я уже практически закончил, осталось буквально минут пять-десять. Да не волнуйся, майор, никуда от тебя твой подследственный не денется. Мне только завершить пару формальностей – и можешь забирать и допрашивать его хоть весь день.

– Ну, хорошо, – согласился Коршунов. – Только быстро.

– Десять минут, – бросил Гуров и, взяв Вадима за плечо, потянул его в сторону комнаты.

– Вечно вы вмешиваетесь. Только работать мешаете, – заметил им вслед Гончаренко, но Гуров проигнорировал его слова.

Когда они оказались вдвоем в комнате, на лице Вадима был написан реальный страх. Кажется, только сейчас он понял, что попал.

– Слушай, парень, как видишь, ситуация стремительно изменилась, и не в твою пользу, – переходя на «ты», торопливо произнес Лев. – Поэтому если хочешь, чтобы я тебе помог – давай выкладывай все. Быстро и, главное, начистоту.

Вадим раздумывал не дольше секунды.

– Хорошо, спрашивайте, я буду отвечать предельно честно.

– Отлично, вот и договорились. Так где ты был вчера весь день?

– Вчера днем я был дома. Точнее, утром.

– Как раз тогда, когда и виделся с женой последний раз?

– Да.

– А что же случилось, что вы не ночевали вместе?

– Мы поругались.

– И часто у вас так?

– Отношения у нас были не самые лучшие, – вздохнув, ответил Вадим.

– Это я уже понял. Только ты давай поскорее, у нас нет времени кашу по тарелке размывать.

– Словом, не самые лучшие – мягко сказано. Мы ненавидели друг друга. Точнее, первой начала Регина. Почти сразу после свадьбы стала просто убивать морально. Угодить было невозможно – ей не нравилось все. Казалось, что она ненавидит меня каждой клеточкой своего тела. Любое мое действие вызывало осуждение с ее стороны, было полное отсутствие взаимопонимания. Не буду долго объяснять, просто поверьте – это именно так. Так вот, вчера утром мы в очередной раз поссорились на ровном месте, и я сказал, что разведусь с ней. Потом поехал на работу. А вечером сообщил, что больше не буду жить с ней.

– Лично? То есть вы все-таки виделись вечером?

– Нет, я эсэмэску послал. Не считите за малодушие, просто не хотел еще одного скандала. Утром уже был, когда я заикнулся, что разведусь с ней.

– И как она на это отреагировала? Утром?

– Ой! – махнул рукой Вадим. – Да как всегда. С ней вообще невозможно было разговаривать. Злая она была еще до этих слов, а потом вообще взбесилась. Начала кричать о том, что все, что у меня есть, – это заслуга ее и ее отца, а я ничего сам в жизни не добился и без нее буду никем. Грозилась забрать все – работу, квартиру, все деньги и, самое главное, ребенка. Впрочем, это в ее стиле. Ну, я развернулся и ушел.

– И куда?

– На работу поехал, Виктор Борисович может подтвердить.

– А вечером?

На этот раз Вадим не колебался:

– К девушке.

– Она ваша любовница?

– Да.

– И она сможет это подтвердить?

Вадим с мольбой взглянул на Гурова:

– Только, пожалуйста, не приплетайте сюда Настю, ей это ни к чему, и она ни в чем не виновата.

– Имя и адрес, – бросил Гуров, доставая записную книжку.

– Анастасия Кравцова, Мытищи, улица Крупской, десять, квартира двадцать два, – подавив вздох, продиктовал Денисов.

Когда Лев записал данные, он добавил просительно:

– Только не давите на нее, я вас прошу, Настя – чудесная девушка. Она не переносит грубости.

– Обещаю не грубить. Давайте дальше. Во сколько ты приехал к Насте?

– Около девяти вечера. По дороге послал Регине эсмэс и больше не собирался сюда возвращаться. А тут такие обстоятельства.

Вадим достал сотовый телефон, открыл список сообщений и показал Гурову то, в котором значилось: «Я ушел». Оно было отправлено вчера в двадцать часов тридцать три минуты.

– Может быть, удалить его? – спросил он.

– Не вздумай, – предупредил Лев. – Это бесполезно, его все равно восстановят. Насчет Насти тоже не ври: телефон твой проверят вдоль и поперек и, разумеется, вычислят всю вашу переписку. Вы ведь переписывались?

По одному только выражению лица Вадима Гуров понял, что это так.

– И вы с Настей не боялись, что Регина не даст вам жизни? – поинтересовался он.

– Я все продумал. Я готов был оставить ей все имущество, не высказывать никаких претензий по этому поводу. Все равно оставаться тут дольше было нельзя. Это не семья, а... какая-то карикатура! Только не смешная. С Настей мне намного лучше. Даже не лучше, а... Это вообще другое. Даже сравнивать нельзя.

– И ты выбрал рай в шалаше?

– Да, вместо дворцового ада, – рассмеялся Вадим.

– А как же ребенок?

– Не думаю, что здесь были бы проблемы. Регина поначалу покочевряжилась бы, а потом сдалась. Если что, я и в суд мог подать: имею полное право видеться с ребенком. С Виктором Борисовичем я бы договорился, думаю, он бы понял меня и поддержал. Всегда удивлялся, как у такого хорошего мужика могла вырасти такая стерва-дочка. – Проговорив последнюю фразу, Вадим вдруг спохватился и виновато произнес: – Простите, я все не могу поверить, что Регины больше нет. О покойниках не принято плохо говорить... Знаете, я сегодня, когда сидел тут один и ждал вас, все пытался вспомнить наши отношения с Региной, найти что-то хорошее... Ведь должно же было что-то быть! Честно пытался и... не смог.

– Слушай, я вот чего не понимаю: при таком отношении друг к другу для чего вы вообще поженились? Ты что, любил ее?

– Не знаю. Наверное, нет, как сейчас понимаю. Все из-за Егора. Регина забеременела, пришлось оформлять отношения. История, в общем, банальная, такое случается сплошь и рядом. Только не у всех так паршиво, как у нас.

«Все равно странно, – подумал про себя Гуров. – Оформила отношения с мальчиком, который по социальному уровню стоял на два порядка ниже ее. Боялась делать аборт?»

А Вадим тем временем продолжал:

– Регина поначалу не собиралась за меня замуж, сразу сказала. Смеялась даже. А потом вдруг проявила интерес. Сама стала звонить, встречи назначать... Я подумал, что она влюбилась. А потом забеременела. Видели бы вы, как радовался Виктор Борисович. – Вадик усмехнулся. – Он был даже счастлив.

– Вот как? А почему? Ты не обижайся, но ему что, не хотелось более состоявшегося зятя?

– Просто Регина... Она по молодости была довольно безбашенная. По каким-то тусовкам стала мотаться, институт забросила. Может быть, тут сыграло роль то обстоятельство, что отец ушел из семьи, не знаю. А замужество давало надежду, что она остепенится. Собственно, так и вышло. Во всяком случае, мотаться по тусовкам Регина прекратила. И в институте восстановилась, потом окончила. К тому же Виктор Борисович внуков хотел, да и дочери своей счастья семейного. Но после свадьбы Регина сразу ко мне охладела. Я на беременность списывал, на гормональную перестройку, не трогал ее лишней раз. Но когда родился Егор, ничего не изменилось в ее отношении, даже хуже стало. К тому же она меня постоянно попрекала отцом и тем, что он мне дал. Он ведь и правда по-отечески ко мне отнесся: взял к себе на работу, квартиру эту нам подарил, машину. Но из-за Регины у меня постоянно было ощущение, что я не на ней женился, а на ее отце. Но если вы думаете, что это все из-за денег – нет. Я и не рассчитывал, что Виктор Борисович так расщедрится. Он ведь тогда уже жил с новой женой, она молодая, капризная.

– Кстати, что еще можешь о ней сказать?

– Да ничего. Мы и виделись-то несколько раз. Регина с ней не общалась. Они друг друга терпеть не могли. И когда Регина Егора отправляла к отцу, Вероника принципиально с ним не занималась. Подчеркивала, что это мужу он внук, а ей никто. Но Виктор Борисович Егора обожает. И я сына люблю. Если бы не он, давно бы развелся с Региной. Точнее, вообще бы не женился.

– Да уж. А что касается твоей Насти, вы планировали пожениться?

– Да. Я ей уже предлагал, еще когда Регина была жива. Хотел уйти совсем, оставить все, даже пусть работу потерять. И без ее подаваний прожить смогу спокойно, – со злобой проговорил Вадим, но снова спохватился, вспомнив, что Регины больше нет.

– А почему ты все-таки не зашел домой, чтобы все это обсудить подробно? Хотя бы сегодня утром?

– Зачем? Опять выслушивать от нее, какое я ничтожество? Приду домой – и снова скандал. А я уже свое решение принял.

– Но Регина все равно оставалась твоей женой. И вы бы увиделись с ней еще неоднократно.

– Но не сейчас. С утра мне этого точно не нужно было.

– Почему ты отпросился у Виктора Борисовича? Где ты был утром?

– У Насти. Я не хотел с ним встречаться. Пришлось бы все объяснять – Регина наверняка уже ему наядбедничала. Мне надо было побыть одному, чтобы все уложить в голове и продумать разговор с Виктором Борисовичем.

Судя по тому, что Берестов ни словом не заикнулся о предстоящем разводе дочери, Регина ничего ему вчера не сказала. Видимо, в ситуации с ОБЭПом ей было не до этого.

В дверь просунулась голова Коршунова. Он смотрел уже явно нетерпеливо и раздраженно:

– Полковник, десять минут давно прошли! Нам тоже нет резона тут париться!

– Заканчиваем, – бросил Гуров, и Коршунов с недовольным видом исчез.

– Настя подтвердит, что ты действительно был у нее? – спросил у Вадима Лев.

– Думаю, да. Зачем ей врать? Только вы не слишком с ней...

– Я же обещал, – не дав парню договорить, сказал сыщик.

– Спасибо, – поблагодарил его Вадим. Он встал, закурил новую сигарету, жалобным взглядом посмотрел на Гурова и спросил: – И что теперь будет?

– К сожалению, тебя задержат и увезут в СК, потому что ты являешься главным и единственным подозреваемым. Но я буду заниматься твоим делом и обещаю, что расследование проведем на совесть. Если ты действительно не виноват, я это докажу.

– Да зачем мне ее убивать? – снова разволновался Вадим. – Чтобы отсидеть потом за нее? Не стоит оно того. При всем моем уважении, терпеть ее столько, сколько терпел я, никто бы не смог. Слишком стержневой у нее характер. И убивать... Убить я ее хотел лет пять назад, сейчас уже слишком поздно. И все равно, знаете... сейчас мне жалко ее. Очень жалко.

– Хорошо, Вадим, я понял. Постараюсь тебе помочь. А сейчас пора. И запомни: веди себя сдержанно, на вопросы отвечай четко и односложно. То есть не ври ни в коем случае, но и лишнего не говори. Прицепятся к одной фразе, начнут раскручивать, приплетут такое – сам удивишься, как ловко у них это получится. Ну-ну, – улыбнулся он, видя, как Вадим совсем поник. – Выше голову!

– Хорошо, Лев Иванович. Спасибо вам. Я очень рассчитываю на вашу помощь.

Гуров утвердительно кивнул и вышел из комнаты, где переминались с ноги на ногу комитетчики. Через мгновение в комнате появился и Виктор Борисович. Лицо его было красным, ворот рубашки расстегнут. Правой рукой он держался за дверной косяк, в левой была почти пустая бутылка.

– Куда его забирают? Зачем? Не позволю! – закричал он, покачнувшись.

– Так, папаша! – громко произнес Гончаренко. – С дороги отойди, не мешай!

Коршунов толкнул капитана в бок и что-то прошептал на ухо, видимо, просвещая, кто такой Берестов и что разговаривать с ним в таком тоне, даже с пьяным, нежелательно. Сам майор решил поговорить с ним на деловом языке и, достав постановление о задержании, показал Берестову:

– Вот официальный документ о задержании, подписанный нашим начальником. Если не согласны – звоните ему.

Виктор Борисович пытался прочесть документ, но у него плохо получалось.

Гуров подошел к Берестову и положил руку ему на плечо:

– Виктор Борисович, все нормально. Прямых улик нет, надолго его не заберут. За это время мы найдем убийцу.

Однако отца Регины это не успокоило. Он ухватил Гурова за пуговицу пиджака и, потянув на себя, заговорил ему прямо в лицо:

– Ты пойми, ни в чем он не виноват, я-то знаю! Кто подписал постановление? Как фамилия? – Последние слова относились уже к комитетчикам. Берестов явно пытался придать голосу грозные интонации, но сейчас это выходило не слишком убедительно.

Вадим молча собрался, на него надели наручники и вывели в подъезд. Злой Берестов проводил их взглядом, тяжело вздохнул и сел на пол.

– Боже мой, что же происходит! Что же такое происходит? – обхватив голову руками, проговорил он. – Нет, это дурной сон, этого не может быть!

После ухода Вадима с оперативниками Гуров был вынужден остаться в квартире, чтобы хорошенько осмотреть ее. В этом он рассчитывал на помощь самого Берестова, но сидящий на полу чиновник был изрядно пьян, и толку от него сейчас было как от козла молока. Он бормотал себе под нос, беседуя сам с собой:

– Вот за что его забрали, а? Понятно же, что не виноват он ни в чем. Да он никогда пальцем Регину не трогал! Характер у нее – сквернячий! А он ведь терпел. Золотой человек! А они его – в наручники, а? Козлы! Уволю! Всех уволю! И начальника их, Ковалева, уволю! – Берестов погрозил в воздухе пальцем. – Убил! Да зачем ему это надо?

– Возможно, боялся, что вы выгоните его с работы и оставите без всего? – предположил Гуров, собираясь поговорить с Берестовым на тему предстоящего развода Регины и Вадима.

– Выгоню? – изумился Берестов. – Чушь! За что? Он работал хорошо. Зачем мне родного зятя выгонять?

– Виктор Борисович, мне нужно осмотреть квартиру, – сказал Лев, поняв, что Берестов не в курсе ситуации с разводом.

– А, делай что хочешь! – махнул тот рукой и хлопнул носом. – Мне вообще все равно теперь... Единственная дочь, единственная... Хоть и паршивка была, конечно, но своя ж кровь, родная!

– Хватит! – Гуров подошел и попытался поднять Берестова, оказавшегося довольно тяжелым. – Виктор Борисович, соберитесь! Что вы так расхлюпались?

– Тебе хорошо говорить, – всхлипнул чиновник. – Это не твою дочь убили!

– Я прекрасно вас понимаю, но надо жить дальше. Ради внука, жены, ради себя самого, наконец! Что я вам прописные истины втолковываю? Сейчас главная задача – найти убийцу. И без вашей помощи нам будет сложно. Кстати, почему вы так уверены в том, что это не Вадим? Судя по всему, вы знаете ситуацию в их семье?

– Знаю примерно. Хотя... Мало чего я знаю!

– Расскажите, как вы ее видите.

Берестов попытался подняться с пола, Гуров помог ему. Виктор Борисович прошел в ванную и закрылся там минут на пять, совершая какие-то водные процедуры. Когда он вышел, то выглядел значительно лучше, да и координация движений понемногу восстановилась. Они устроились в просторной кухне, в двух мягких креслах. Берестов включил чайник и достал из шкафчика банку кофе. Привыкший, что его все время кто-то обслуживает – на службе секретарша, дома – домработница, в кафе и ресторанах – официанты, он не слишком ловко справлялся с задачей. Просыпал кофе на стол, расплескал кипяток... Гуров молча взял чайник у него из рук, сам разлил по чашкам.

– Ну так как, Виктор Борисович? Что скажете о браке вашей дочери?

– Вадим, наверное, уже рассказал... Ладно! – вздохнул Берестов. – Не люблю сор из избы выносить, но придется. Да, скандалы в этом доме случаются куда чаще, чем совместный прием пищи. Нужно признать, что характер у Регины был не сахар. Да что там – стержовзный. Порой даже жалко парня бывало, он-то нормально всегда себя вел.

– И как они собирались жить дальше?

Берестов пожал плечами и отпил горячего кофе.

– Ну, это их дело. Привыкли, наверное.

– У вашей дочери был любовник? – в упор спросил Гуров.

– Не думаю, – покачал головой Берестов. – Она не особо по этой части. Даже холодновата, пожалуй.

– А у Вадима? У вас с ним, по-моему, доверительные отношения...

– Не настолько, – буркнул Берестов. – Нет, вряд ли. Регина держала его в ежовых рукавицах. Да, кстати, он рассказал вам, почему не ночевал дома?

– Вадим ночевал у своей любовницы.

Виктор Борисович отреагировал на это довольно спокойно, лишь сказал:

– Что ж, я его понимаю. Это нормально. Не ожидал от него, конечно, не в его это стиле. Однако, думаю, поведение дочери привело к этому. Я его не осуждаю.

– И о том, что он собирался разводиться с Региной, вы тоже, конечно же, не в курсе?

Вот тут Берестов несказанно удивился. Он застыл с чашкой в руке, не донеся ее до рта, и воскликнул:

– Как разводиться? Им нельзя разводиться!

– Почему же?

– У них же ребенок! Нет, ну ладно, любовницу завел, но разводиться зачем? Как же мальчик без него? Как он переживет их разрыв? Вообще ни о чем не думают!

– Видимо, ситуация в семье была настолько критичной, что Вадим больше не мог этого терпеть.

– Да знаю, знаю, у Регины был очень тяжелый характер, и Вадика я целиком и полностью понимаю и оправдываю, однако... Однако развод – это явно лишнее! – решительно отрезал Берестов.

– Но вы же однажды поступили точно так же. Ушли из семьи, где оставался ребенок.

– А вот это вы зря! – запротестовал Виктор Борисович.

– Почему же?

– Да хотя бы потому, что не знаете всей сути ситуации!

– Точно, не знаю. Но с виду они схожи.

– Нет-нет-нет! – Берестов замотал головой. – Вы даже представить не можете, насколько они разные.

– Но у вас же был общий ребенок.

– Ну, во-первых, к моменту, когда я ушел из семьи, Регина уже не была ребенком. Ей было семнадцать лет.

– Опасный возраст, – заметил Гуров, но Берестов, махнув рукой, продолжал:

– ...Во-вторых, дочь я не бросал. Воспитал, дал образование и все то, чего она хотела. Зато смог устроить свою жизнь с женщиной, которая полностью мне подходила. Все счастливы, всем хорошо.

– Ну, вот видите. Возможно, Вадим так же рассуждал. Ведь Регина ему не подходила, как и вам ваша первая жена. Возможно, он думал, что с новой женой сможет дать ребенку лучшее воспитание?

– Чушь! Регина ни за что бы не разрешила ему забрать ребенка. Да еще с новой женой, ха! Да Регина бы со свету ее сживала! Я уже заранее сочувствую этой девушке. Кстати, кто она?

– Понятия не имею. Знаю только со слов Вадима, что это чудесная девушка, – улыбнулся Гуров.

– Ну, в этом я не сомневаюсь! – махнул рукой Берестов. – После жизни с Региной ему любая показалась бы ангелом.

– Вы так критичны к своей дочери?

– Я объективен, точнее, стараюсь. В конце концов, я прожил с Региной под одной крышей семнадцать лет. И тогда у нее характер тоже был – ого-го! Да она по юности такое творила, что... – Берестов запнулся на слове. Хмель из него еще не совсем выветрился, и это поспособствовало «развязыванию языка». Однако служебная привычка держать себя под контролем тоже никуда не делась, и сейчас Берестов почувствовал, что говорит лишнее.

– Что творила? – переспросил Лев.

– Ну... Что обычно вытворяют подростки? Сигареты, алкоголь, сомнительные компании... Слава богу, все это быстро прошло. Так вот, возвращаясь к теме ребенка. Егора Регина не отдала бы. Запретить видаться, конечно, не смогла бы – да и я был бы тут на стороне Вадима, – но кровь бы пила. Хотя отец давал ребенку больше, чем она. Регина, по сути, и не умеет общаться с Егором, он быстро ей надоедает. Ей неинтересно с ним, ему – с ней. Но что об этом говорить! Теперь этого уже никогда не будет. Поднимать мальчика придется нам, дедушке с бабушкой.

– Но у него жив отец. И его будущая жена, – напомнил Гуров.

– Ой, ну, вы уж так далеко не заходите, ладно? Это сейчас Вадим заговорил о женитьбе, а поживет после смерти Регины пару месяцев, вспомнит вкус свободы, так, может, еще и сто раз передумает вступать в новый брак.

– Так, может, все-таки Вадим и пошел на убийство ради сына? – высказал Гуров смелое предположение.

– Нет, это исключено, – сразу отмел его Берестов. – Вадим не смог бы убить человека. Слишком он добрый и бесхитростный. Я полностью в нем уверен, а в людях я разбираюсь очень хорошо, иначе не руководил бы целым отделом.

– А он был в курсе того, что Регину могли посадить? – резко сменил тему Гуров.

Берестов медленно вскинул голову и недовольно посмотрел на Гурова. Тема была для него крайне неприятной.

– Вряд ли. Регина бы не рассказала ему ни при каких условиях и мне говорить запретила.

– А сами вы что думаете по этому поводу? Теперь, когда мы остались одни, можете высказать свои соображения. Почему вашу дочь взяли с поличным? Кому надо было ее подставлять?

– Скорее всего, кому-то из ее коллег, – сказал Берестов. – Кому еще?

– Но почему именно вашу дочь? С чем это могло быть связано? Неужели не понимали, что за ней ваша поддержка, и поддержка мощная?

– Я и сам над этим ломал голову весь вчерашний вечер, – признался Берестов. – Ума не приложу. Я вообще собираюсь съездить в эту СЭС и лично поговорить с их директором.

– Но не в таком виде, – предупредил Лев, – а когда окончательно протрезвеете.

– Да уж понятно, – буркнул Берестов. – Только я уже почти в порядке.

– Тогда помогите мне.

– Чем?

– Мне нужно осмотреть квартиру – собственно, еще и поэтому я тут так задержался.

– Но что вы хотите здесь найти?

– Скажем так, хочу найти ключ к разгадке смерти вашей дочери.

– Не думаю, что вы его найдете, – с сомнением покачал головой Виктор Борисович.

– Считаю, – прервал его полковник.

– Но раз считаете нужным, тогда начинайте с комнаты Регины.

– У нее что, отдельная комната? – спросил Гуров.

– Ну, она любила уединение, – отводя глаза в сторону, пробормотал он.

– Понятно, – усмехнулся Лев. – Тогда я, пожалуй, начну с комнаты Вадима.

– Вот она, – показал Берестов.

Гуров кивнул и направился в указанном направлении. Про себя он отметил, что инициатива отдельного проживания наверняка принадлежала Регине. К Вадиму он направился потому, что рассчитывал потратить на осмотр его комнаты немного времени. Так, собственно, и вышло: ничего такого, за что можно было бы зацепиться, он там не нашел. В комнате было достаточно чисто убрано. Вадим явно любил и уважал порядок, и содержать свои апартаменты в чистоте ему удавалось очень хорошо. Все вещи были сложены аккуратно и лежали на своих местах. Кровать была застелена, а на столе не было даже намека на крошки от еды. И это учитывая, что домработница не успела сегодня провести уборку. Никаких личных вещей, которые желательно было скрыть от посторонних глаз, Вадим здесь не хранил. Ни фотографий Насти, ни писем от нее – ничего такого не было. Порыскав еще некоторое время, Лев понял, что искать тут бессмысленно, и отправился в детскую, на осмотр которой ушло еще меньше времени.

Комнату Регины он оставил напоследок. Войдя внутрь, сразу отметил, что о порядке Регина не очень заботилась. Скорее всего, даже не впускала сюда домработницу, ибо дверь была заперта на ключ, и Гурову пришлось обратиться к Берестову. Виктор Борисович вынул ключ из связки и протянул ему.

На туалетном столике было полно всяческих тюбиков и баночек с лаками, кремами, духов и прочих женских штучек. Кровать была не застелена, а лишь прикрыта густо-бордовым покрывалом. По краям зеркала виднелся тонкий слой пыли и следы от пальцев. Хоть грязи и мусора в комнате не было, выглядела она достаточно неопрятно. Видимо, Регина, постоянно вынужденная на людях держать марку, здесь расслаблялась и позволяла себе быть самой собой.

Гуров приступил к осмотру личных вещей погибшей и начал со шкафа. Однако, кроме белья и одежды, ничего в нем не обнаружил. Быстро пройдясь по туалетному столику, перешел к компьютерному столу. Здесь тоже царил беспорядок: вперемешку лежали какие-то квитанции, документы, бесполезные бумажки, драгоценности и разный женский хлам. Компьютер

Гуров включать не стал, решив взять его с собой и отдать на осмотр специалистам, пока его не прихватили сотрудники Следственного комитета, которые до сих пор не произвели осмотра квартиры. Возможно, занятые Вадимом, не сочли это первостепенно важным. Гуров и сам не был уверен, что производимый им осмотр принесет какой-то результат, но и отказаться от него не мог. К тому же он, в отличие от официально ведущей дело группы, был ограничен в своих возможностях и вынужден был заниматься тем, что входило в их круг.

Больше всего ему хотелось бы осмотреть сумку Регины, но здесь рассчитывать было не на что: ее наверняка забрали комитетчики. Однако на специальной подставке за дверью он обнаружил несколько сумок разных расцветок и фасонов, что неудивительно: вряд ли Регина обходилась одной. Радуюсь хотя бы этому, Лев принялся методично осматривать их. Кое-где попадались тюбики с помадой, денежная мелочь, счета с автозаправки... Больше ничего. А вот в прихожей он увидел еще одну сумку – коричневую, сшитую из кусочков норки. Она больше всего подходила к сезону, и Регина должна была пользоваться именно ею. Эту сумку полковник осмотрел с особой тщательностью. Помимо нескольких купюр, расчески, косметички и недоеденного куска пиццы в салфетке, он обнаружил сложенный вдвое лист бумаги. Развернув, увидел, что это счет из ресторана, причем датированный вчерашним числом... А это значит, что вчера Регина действительно была с этой сумкой. Счет был на двоих и на довольно приличную сумму. Но с кем Регина была в ресторане? И почему сегодня, выходя из дома, не взяла эту сумку с собой?

Ответы на эти вопросы могли находиться в телефоне Регины: звонки, эсэмэс-сообщения и прочие способы связи. Но телефон забрали сотрудники Следственного комитета, так что за возможными ответами пришлось идти к Берестову. Виктор Борисович все время, пока шел осмотр, сидел в кухне. К огромному своему неудовольствию, Гуров увидел, что чиновник обнаружил еще одну бутылку коньяка и попил ее в одиночестве.

- Виктор Борисович, вы опять! – укорил он его. – Ну, что вы творите!
- Отстань, полковник, я в порядке! – отмахнулся чиновник.
- Я рассчитываю на вашу помощь, а вы словно нарочно палки в колеса вставляете.
- Какую помощь, говори!

На вопрос, с какой сумкой вчера была его дочь, Берестов наморщил лоб и не слишком уверенно произнес, кивая на ту, что держал Гуров:

- Вроде бы с этой.
- А сегодня? Вы же были на месте происшествия, сумка была при Регине?
- Да! – вспомнил Берестов. – Большая красная сумка квадратной формы, она валялась на снегу и была хорошо заметна.

– Большая красная сумка... – задумчиво проговорил Лев, глядя на меховую. Она была компактной и могла вместить в себя лишь ключи, кошелек и прочие мелочи. – Зачем выходить из дома рано утром с большой красной сумкой?

На это Берестов лишь молча развел руками.

- Виктор Борисович, Регина вчера не говорила вам, что ходила в ресторан?
- В ресторан? Вчера? Нет, не говорила. А с чего вы взяли?
- Вот этот счет я нашел в ее сумке, он вчерашний, – протянул Гуров листок.

Берестов поднес его к глазам и нахмурился:

- Ну, мало ли... Пообедать заехала.
- Да, но в одиннадцать утра? Перед работой, да еще и в компании с кем-то? Счет-то на двоих. Вряд ли это был романтический утренник с мужем, особенно учитывая, что они разругались в пух и прах.

- Может быть, с кем-то из подруг ходила? – предположил Виктор Борисович.

Гуров усмехнулся. Подруг, как пока выяснялось, у Регины не было. Понимал это и Берестов, однако помочь сейчас ничем не мог. Нужно было задействовать другие механизмы, и Лев достал телефон:

– Алло, Стас? Слушай, когда поедешь в СЭС, поспрашивай, не ходил ли кто-то из коллег вчера с Региной в ресторан «Амброзия». Или не упоминала ли она, что собирается туда. Утром, в одиннадцать. Стас, я излагаю факты! Почему они таковы – это твоя задача разобраться! Все, давай!

Дальнейшие поиски улик в квартире Регины не привели ни к чему. Прихватив компьютер, Гуров вернулся в прихожую и увидел Виктора Борисовича, который собирался куда-то ехать. Во всяком случае, тот натягивал на себя пальто, не слишком ловко пытаясь попасть в рукава.

– Виктор Борисович, куда вы в таком виде? Вызовите шофера или такси!

– Ты своим делом занимайся, а я доеду!

Лев решительно шагнул к нему и четко произнес:

– Думаю, вашей жене будет не слишком сладко, если, вдобавок к свалившемуся несчастью, вы еще попадете в аварию! Если не вызовете такси, я позвоню сам. А сядете за руль – позвоню знакомым гаишникам, и вас тормознут через пятьдесят метров. И поверьте, я это сделаю.

Берестов что-то проворчал, однако, немного остыв, позвонил водителю.

– Вы куда сейчас собираетесь? – спросил Гуров.

– Домой. А что? Мне надо привести себя в порядок. Послезавтра похороны... И Егор, с ним надо что-то решать. Сейчас он в гимназии на пятidineвке, и я не знаю, стоит ли его забирать оттуда.

– Мне кажется, что это не лучшая идея, – заметил Лев. – Если, конечно, вам нужен мой совет. А вот что касается вашего дома, то поедем мы с вами туда вместе.

– Это еще зачем?

– Помнится, вы рассказывали о том, что вас обокрали. Мне нужно все осмотреть на месте.

– Да бог с ними, с деньгами, я уже махнул на них... – начал было Берестов, но Гуров твердо прервал его:

– Виктор Борисович! Вы, кажется, сами сказали, что передаете все в руки профессионалов. Иначе вообще зачем к нам приходили?

Тот спорить не стал, и они вместе с Гуровым вышли из квартиры. На улице Виктор Борисович поскользнулся и чуть не упал. Лев поддержал его и довел до машины, где их уже ждал водитель. А сам сел в свою и завел двигатель. Черный «Мерседес» тронулся с места, Гуров поехал за ним. До Крылатского они добрались достаточно быстро – миновать пробки помогла «сигналка» на машине Берестова.

Глава 4

Выходя из отделения, Крячко направился к стоянке, где стояла его машина, крайне недовольный тем, что ему придется ехать на своем личном транспорте, хотя до проспекта Мира было совсем недалеко.

Вообще-то Крячко ездил на своем автомобиле нечасто, поскольку берег его. Машина была уже не новой, но любимой и постоянно требовала вложений и замены изношенных деталей. А это деньги, которых Станиславу всегда было немного жалко. К тому же в ремонтную мастерскую он никогда не обращался по той же причине, а также потому, что не доверял. Чинить машину и проводить замену запчастей он позволял только своему тестю, но у того не всегда было время, да, честно говоря, и желание торчать в гараже.

Правда, совсем недавно, буквально перед Новым годом, Крячко расщедрился и вместе с тестем совершил «апгрейд» своей машины, так что в плане работы механизма она была в полном порядке. Проблема заключалась в другом: в начале сезона Крячко «не успел» сменить шины, как он соврал Гурову и жене, а делать это в феврале ему казалось нелогичным. На самом деле Станислав просто не хотел тратиться на резину, проще говоря, его «душила жаба» – верная спутница Крячко на пути материальных трат.

Станислав не особо и рассчитывал ездить на своей машине зимой. На морозе она заводилась плохо, и приходилось тратить довольно много времени, отогревая салон, пока двигатель срабатывал. Так что большей частью она стояла в гараже, и выезжал на ней Стас только в случае крайней необходимости.

Сейчас был именно такой случай: февральские морозы не располагали к пешим прогулкам.

«Ну, доехал же я на ней до работы, и ничего не случилось! – подумал он, идя к стоянке. – Значит, и туда доберусь!»

Крячко подошел к машине и придирчиво осмотрел ее. «Старушка» его выглядела вполне крепко, впечатление портила лишь резина, но он постарался не акцентировать на этом внимание. Сел за руль и с недовольным лицом затопил печку, отметив, что это расточительство влетает ему в копеечку. Посидев несколько минут и согревшись, завел двигатель и неторопливо поехал по заполненным улицам города в сторону дома матери Регины.

Проехав несколько сотен метров, Крячко заметил, что его машину стало немного заносить, но, понадеясь на свое многолетнее мастерство вождения, решил не останавливаться и не пересаживаться на метро. Еще через несколько секунд машина замедлила ход, мотор начал по-стариковски покряхтывать и покашливать, а еще через пару мгновений она и вовсе заглохла, перегородив движение. Крячко выругался сквозь зубы и высунулся из окна. Сзади тут же стала образовываться цепочка из других автомобилей, и самые нетерпеливые водители уже всю сигналили ему.

– Слышь, дед! Колымагу свою убери! – крикнул из окна стоявшей сзади «Дэу» молодой парень.

– На свою посмотри, педик! – огрызнулся Крячко.

Сам же он был просто в бешенстве от происходящего. Кое-как свернув на обочину, вышел из машины и, тихо матерясь, начал копаться в двигателе. Оказалось, его старенький ремень ГРМ порвался, клапаны в движке погнулись, и движение дальше было невозможным. Станислав помянул недобрым словом тестя, порадовавшись, что нашел ответ на мучивший его вопрос «кто виноват?». Однако радость была недолгой, ибо следом он припомнил, что тесть указывал ему на эту проблему и настойчиво предлагал устранить. Но Крячко, во-первых, лень было возиться, во-вторых, еще больше лень было ехать покупать этот ремень, а в-третьих, снова потихоньку покусывала «жаба». В этом заключалась еще одна особенность противоре-

чивой натуры Станислава Крячко: он не был жадным по отношению к близким, охотно угощал своих друзей и сослуживцев, без проблем сдавал деньги на подарки коллегам и даже мог добавить от себя, если человек был ему особенно симпатичен, но когда требовалось купить что-то для себя, сердце его сжималось. И получалось, что экономил Станислав на себе самом и посему страдал от своей жадности сам.

Уже подсчитывая затраты на замену этого ремня, он сел в машину и вздохнул. В такую метель голосовать на дороге и просить довезти его до ближайшей мастерской было бы нелогичным, но и бросать машину здесь не хотелось.

Гуров был на выезде, и Крячко догадывался, что тот ему скажет, если он сейчас попросит его забрать, да еще в другой стороне. Тем более что сам Лев неоднократно предупреждал Станислава, что когда-нибудь он окажется в такой ситуации. Пришлось выходить и «голосовать» на дороге, ожидая чуда.

После нескольких неудачных попыток к обочине подъехала иномарка, из которой вышла молодая симпатичная девушка и направилась в сторону Станислава. Завязался диалог:

– Я вижу, вам нужна помощь?

– Да, видите ли, машина поломалась, а до сервиса далеко, – пожаловался Крячко.

– Я могу взять вас на буксир. До сервиса.

– Было бы очень мило с вашей стороны.

Крячко приятно удивился такому повороту событий, поэтому без раздумий согласился, хотя ему крайне не хотелось расставаться со своими принципами насчет автомастерских, а также с денежными средствами. Проехав пару километров на буксире, он бросился к автослесарю, объясняя суть проблемы. Девушка не уезжала и лишь курила в стороне, наблюдая за происходящим. Немного погодя все неприятности Крячко закончились, ремень был заменен, и единственной его мыслью было то, что слишком дороговато обходится столь минимальное повреждение. Но начать качать права и позориться перед девушкой было неудобно, и Станислав безропотно выложил нужную сумму. Когда он вернулся к машине, девушка вопросительно посмотрела на него:

– Ну что, помогла я вам?

– Да, очень даже, спасибо.

Она улыбнулась, но уходить не собиралась, продолжая смотреть на сыщика.

– Что-то не так?

– Да нет... – мялась девушка.

– Ну, тогда удачи вам и счастливо! – улыбнулся Стас.

Но она все так же продолжала мяться.

– Я же вижу, что что-то не так.

– Я не думала, что вы такой...

– Э-м-м, простите, а какой? – растерялся Крячко.

– Могли бы и по-нормальному отблагодарить меня за помощь.

Крячко несколько удивился такому заявлению, подошел к девушке и поцеловал ее в щеку, за что тут же получил смачную пощечину.

– Ну и урод! – крикнула она и добавила: – Я имела в виду деньги!

После этого села в машину и, резко стартанув, уехала, а Крячко остался один на один со своим удивлением и возмущением.

«Имела в виду дееееенги! – мысленно передразнил он ее. – Меркантильные все вокруг стали – смотреть противно!»

Стас уже собирался сесть в машину, как к нему подошел мастер:

– Знаете, вы бы оставили машину у нас. Там еще всякие повреждения есть. Да и резина лысая... Мы бы поменяли.

– Денег больше не дам! – отрезал Крячко.

Теперь, после того как девушка покинула мастерскую, ему не перед кем было соблюдать дурацкие приличия, поэтому он посмотрел в глаза автомастера твердо и непреклонно.

– Смотрите, дело ваше, – пожал тот плечами. – Только я бы по-дружески не рекомендовал вам сейчас ездить на этой машине. Чревато.

Станислав нахмурился. В словах мастера определенно был резон, он и сам это знал. К этому моменту небо потемнело, разбухло от наползших туч, повалил снег и усилился ветер. Грозил метелью. Машина и при лучших-то условиях вела себя на дороге неважно, а теперь ехать на ней и впрямь было опасно. Вот так встанешь где-нибудь в безлюдном месте, и что делать? Не на каждом шагу попадаются симпатичные девушки, готовые оказать тебе помощь, да и то, как выясняется, небескорыстно... И будет стоять его машинка в каком-нибудь дворе, занесенная снегом, пока за ней не вернется хозяин с лопатой. А то еще, не дай бог, эвакуатор подберет. Потом еще больше платить, и главное – вообще ни за что!

– Ладно, – обреченно вздохнул он. – Пусть остается. Делай. Но! Никаких дополнительных услуг! Ничего мне там менять не вздумай, понял? Вечером я подъеду и заберу ее.

– Ладно, – усмехнулся мастер и отошел.

Крячко натянул свою вязаную шапочку потеснее, поднял воротник куртки и, засунув руки поглубже в карманы, вразвалочку пошагал к дороге, прикидывая, как ему добираться дальше. Сейчас он находился как раз между станциями «Проспект Мира» и «Рижская». Перед Крячко стояла дилемма: вернуться назад и спуститься в метро, чтобы проехать одну станцию, или идти пешком вперед до Рижской, где и стояла нужная ему «сталинка». Крячко выбрал второй вариант...

Уже через пару минут он понял, что это было опрометчиво. За те двадцать минут, что шел до дома Ольги Александровны, он успел продрогнуть до костей и устать от всего происходящего...

Когда Крячко позвонил в домофон, на звонок долго никто не отзывался. Станислав уже готов был достать универсальный ключ от всех домофонов, потому что, честно говоря, у него начали замерзать ноги, однако тут из подъезда вышла парочка, и он, воспользовавшись случаем, быстро юркнул внутрь, дыша на заочневшие пальцы.

Дверь в квартиру с номером девяносто пять оказалась приоткрыта. Для Крячко это всегда было дурным знаком. Сколько раз в подобных ситуациях за ней обнаруживался труп! Но сейчас из-за двери доносился голос, и это успокоило сыщика. Он потянул дверь на себя и увидел человека в синей медицинской форме.

– И помните – сейчас ей нужно просто лежать и отдыхать. Не накручивайте себя, ни о чем не думайте, просто пусть лежит и постарается поспать, снотворное я вколот, – сказал он.

– Спасибо вам, – ответил мужской голос, и врач быстро прошел мимо Крячко, не обратив на него никакого внимания.

Войти Стаса никто не пригласил. Более того, дверь осталась открытой. Он сам вошел в квартиру и сразу уловил резкий запах корвалола и еще каких-то медикаментов.

Внутри квартира являла собой, как и снаружи, добротную «сталинку» со всеми атрибутами: просторными коридорами, высокими потолками, толстыми стенами, лепниной на потолке. Пятьдесят с лишним лет назад она, безусловно, считалась роскошным вариантом, за прошедшее же время многое поменялось, в Москве выросли дома нового поколения – с подземными гаражами, скоростными лифтами, и на их фоне эта квартира считалась устаревшим социальным вариантом.

Крячко протопал до конца прихожей и заглянул в комнату. Там на диване сидела пожилая женщина с усталым, тусклым и заплаканным лицом. Сидевший рядом мужчина примерно ее лет что-то говорил ей, обнимая за плечи, и уговаривал прилечь. Женщина монотонно кивала, взгляд ее был каким-то осоловелым.

– День добрый, – поздоровался Крячко, но тут же осекся, поняв, насколько неуместно прозвучало это приветствие.

Мужчина, ощутивший, видимо, то же самое, лишь сдержанно кивнул.

– Я – из Главного управления МВД, полковник Крячко. – Станислав полез за удостоверением. – У меня есть несколько вопросов к Ольге Александровне.

– Понимаю, понимаю, но только, видите ли, у нас сейчас горе, и Ольга Александровна не совсем в состоянии отвечать на вопросы, – сказал мужчина. – Пожалуйста, приходите в другой раз.

Но от Крячко было не так просто отделаться. И пусть изначально он собирался побеседовать именно с матерью Регины, но сейчас обратился к мужчине:

– Тогда, возможно, стоит сперва поговорить с вами? Вы ведь ее муж?

– Да, муж, – чуть поколебавшись, ответил мужчина, протянул Крячко руку и представился: – Денисов, Константин Георгиевич. Ну что ж, пройдемте на кухню. Правда, не понимаю, чем могу быть вам полезен.

После этого он сказал пару успокаивающих слов жене, дождался, когда она ляжет на диван, накрыл ее одеялом и провел Крячко на кухню.

В кухне горел газ, и промерзший как собака Крячко с наслаждением протянул руки к огню. В тот момент он больше всего на свете хотел горячего чая и надеялся, что хозяин дома предложит ему чашечку, но тот не спешил с угощениями, только сухо спросил:

– Так чем я могу вам помочь?

Погруженный в постигшее их семью несчастье, он, конечно же, не задумывался о таких прозаических вещах, как горячий чай, не до того ему было.

– Константин Георгиевич, так получилось, что я занимаюсь расследованием смерти Регины, – заговорил Стас, – поэтому и хотел поговорить с ее матерью. Но придется задать вопросы вам.

Константин Георгиевич развел руками – дескать, надо так надо.

– Расскажите, когда вы в последний раз видели Регину?

– Да, знаете, давно. Около месяца назад, я думаю.

– То есть в этой квартире она была нечастым гостем?

– Нечастым, – грустно усмехнулся Денисов. – На праздники только и заходила, или чтобы сына забрать. Хотя работала рядом совсем – здесь же, на проспекте Мира, их отдел находится.

– А какие отношения у нее были с матерью?

– Да никаких особо отношений и не было. Только ребенка она у нас оставляла, а так ничем не делилась и не интересовалась. Не думаю, что у них случались душевные разговоры.

Крячко уже понял, что попал впросак с тем, что отправился сюда. Никаких женских тайн своей дочери Ольга Александровна не откроет, потому что никто ее в эти тайны не посвящал...

Он покосился на упаковку дорогого чая, которая стояла прямо над Константином Николаевичем, однако мужчина не заметил этого.

– Ну и мороз на улице, – с намеком проговорил Станислав и поежился.

Однако Константин Георгиевич проигнорировал и это целенаправленное замечание. Сейчас его такие мелочи не волновали. Он был полностью погружен в себя и, видимо, обеспокоен состоянием своей супруги.

– А вы как общались с Региной?

– Спрашивали, как дела друг у друга, не больше.

– А с Вадимом какие отношения у вас были?

– А вы как думаете, какие у нас могли быть отношения? – удивленно спросил Константин Георгиевич.

– Ну это я у вас и спрашиваю.

В этот момент в кармане Крячко зазвонил телефон. Сыщик извинился и ответил:

– Здорово, Лева! Да только приехал я, «форс мажор» у меня! Только вошел, разговариваю с мужем матери погибшей! Да, кое-что уже выяснил. Что, арестовали? Следственный комитет? Ясно. Что ж, следовало ожидать. Я ж говорил, муж – первый подозреваемый. Ладно, как закончу, сразу позвоню. Хотя нет, сперва пойду чаю попью в ближайшем кафе, замерз дико! – Крячко аж брызгал оптимизмом, чтобы Гуров не догадался о том, что его психологические расчеты не оправдались и он зря потратил почти час на дорогу всего-то на проспект Мира.

Услышав про арест, Константин Георгиевич побледнел. Едва дождавшись, когда Крячко отключит связь, он торопливо спросил:

– Простите, а что, Вадима арестовали?

– Ну да, он же теперь главный подозреваемый. А что, почему вас это так взволновало?

– Ах, вы, наверное, не в курсе... – пробормотал Константин Георгиевич. – Понимаете, Вадим – это мой сын. Ну, Вадим и Регина получают как бы одновременно муж и жена и сводные брат и сестра.

– То есть как? – у Крячко невольно вытянулось лицо. Он никак не мог уложить в голове связь между этими родственными отношениями. – Как такое получилось?

– Да просто, – пожал плечами Денисов. – Мы с Олей познакомились на свадьбе наших детей. Оба одинокие, немолодые... Она мне сразу понравилась – добрая, симпатичная. Простая, хоть и замужем была за высокопоставленным человеком. Я, правда, на инвалидности – с сердцем проблемы серьезные. Зато у меня есть неоспоримый недостаток, очень ценный для русского человека, – улыбнулся он. – Я абсолютно непьющий. Оля это сразу заметила и оценила. Я стал ей помогать по мере сил, а она – мне. Приезжала уколы делать, обед готовила, прибиралась в квартире. Потом мы с ней беседовали подолгу. Ну, в общем, через полгода уже и расписались.

– А как ваши дети отреагировали на ваш брак?

– Вадим был рад за меня, ведь его мать давно умерла, и с тех пор я один. Он знал, как мне будет тяжело после его ухода. А с близким человеком ведь и любой недуг не страшен. А Регина что... Да ничего Регина, никак не отреагировала, не знаю. Она меня вообще не замечала.

– Как я заметил, вам Регина не очень нравилась?

– Знаете, не хотелось бы мне злословить, особенно сегодня, когда она умерла, – поморщился Константин Георгиевич.

– Тут есть нюанс... – заметил Крячко. – Регина не просто умерла – ее убили. И спрашиваю я не для того, чтобы вместе с вами перемыть ей кости. Сейчас любая мелочь может быть важна.

– Ох-хо-хох... – со вздохом протянул Денисов. – Конечно, малоприятную роль вы мне отвели. Но вы правы – не нравилась. Избалованная, несамостоятельная и неумная. Не думаю, что она хорошая пара моему сыну.

– А вы знаете, какие у них были отношения?

– Конечно, – пожал тот плечами. – Это же было видно! Ужасные отношения. Вадим даже расставаться с ней собирался.

– А вы откуда про это знаете? – насторожился Крячко.

– Да как-то сидели мы с ним и разговаривали на такие темы. Я же видел, что плохо ему с ней, вот и спросил, а нужно ли ему вообще это. Он ответил, что сам давно думает, что надоело ему все, и не хочет он больше так жить. Если бы не ребенок, они давно бы развелись. Ведь из-за Егора и поженились.

– А что вам еще известно про личную жизнь Вадима?

– Я понимаю, вы сыщик, – исподлобья взглянул на Стаса Денисов. – Все равно узнаете. Скорее всего, уже знаете, потому Вадика и арестовали. У него есть девушка, и у них серьезные отношения.

– Это тоже он вам рассказал?

– Конечно, не сам же я выслеживал.

Крячко уже понял, что отношения между отцом и сыном были куда более доверительными, чем между матерью и дочерью. Что ж, хотя бы из-за откровенности Денисова он не совсем зря сюда приехал.

Константин Георгиевич встал и налил себе воды. Крячко с мольбой посмотрел на упаковку дорогого чая, однако и этот знак был проигнорирован хозяином, который сделал несколько глотков и продолжил:

– Поговорили мы по душам, да все выяснили. Я его не осуждал, даже наоборот, подбодрил. Сказал – держись, сынок, прорвемся. Хочешь уходить – уходи. Как бы Регина ни страдала. Только вот ни кто его девушка, ни чем она занимается – я не в курсе. Тем более ни адреса, ни телефона мне не известно, так что можете не спрашивать.

– Понял. А что-нибудь еще можете добавить?

– Да нечего мне добавить, думаю. Скажу еще раз, что Регина не была ни хорошей женой, ни хорошей матерью. За ребенком она совершенно не следила, эта обязанность лежала на плечах Вадима. По его воле, конечно. Одно могу сказать точно: Вадим ее не убивал. Он уже точно решил для себя уйти от нее, отказаться от претензий на имущество, для чего же убивать, да еще так? Позвольте дать вам совет: не тратьте время на моего сына, лучше ищите настоящего убийцу. Простите, я не учу вас делать вашу работу, просто пытаюсь помочь хоть чем-то.

Крячко кивнул с пониманием и заметил:

– Однако он все равно остается главным подозреваемым. А с тем, виноват он или нет, будет разбираться следствие.

Денисов поерзал, будто хотел что-то сказать, и все-таки решил:

– Очевидно же, что искать надо на ее работе.

– А вам что-то известно? – наострил уши Крячко.

– Нет, мне ничего не известно, однако тут и так все очевидно.

– На что вы намекаете?

– Да я вам уже говорил, что Регина – человек неумный и жадный. А два этих качества в сочетании часто приводят к неприятностям. И это при том, что работала она, как вам известно, в СЭС. Денег у нее всегда было вдоволь, и все те покупки, которые она совершала, ее официальная зарплата бы не позволила. Это что означает? Взятки она брала! По ее характеру и месту работы и так все понятно. Думаю, почти все там занимались этим. И Регина – в числе первых. Возможно, это месть или еще что.

В этот момент в комнату зашла мать Регины. Еле ковыляя на ногах, она подошла к столу.

– Оля, ну, зачем ты встала? – тут же вскочил с места Денисов.

Ольга Александровна вяло отмахнулась и удивленно спросила:

– Костя! Что же ты не предложил гостю чай? Это невежливо...

Крячко был крайне обрадован такому повороту событий, ведь теперь он мог не только поговорить с матерью Регины, а еще и утолить свое давнишнее желание. И хотя на кухне в квартире Денисовых он отогрелся, чаю все равно хотелось.

Однако Константина Георгиевича больше волновало другое:

– Оля, ты слышала, что тебе врач сказал? Давай ложись, тебе нужен покой!

– Нет-нет, я себя нормально чувствую и хочу послушать, о чем вы говорите. Вы же пришли по поводу Региночки? – обратилась она к Крячко. – Я хочу быть в курсе. Хочу первой знать, когда арестуют этого... этого изверга-убийцу!

Крячко не успел ничего сказать, как его опередил Денисов:

– Арестовали Вадима. Он у них сейчас главный подозреваемый.

– Вадим? Почему Вадим? Неужели они всерьез думают, что это он?

В тот момент женщина уже налила большую чашку чая и протянула ее Крячко, попутно пододвинув тарелку с печеньем.

– Спасибо, Ольга Александровна! – прочувствованно произнес Станислав, с наслаждением делая глоток вкусного крепкого напитка и ощущая, как по телу разливается тепло. – То есть вы не верите, что Вадим мог убить вашу дочь?

– Конечно, нет! Зачем? У них же семья!

– А-а-а... М-м-м... В их семье все было в порядке? – покосившись на Денисова, уточнил Крячко.

– Обычно. Как у всех. Нормальная семья, – ответила Ольга Александровна.

– А я вот слышал другое, – осторожно заметил Стас.

– И что же?

– Ну, к примеру, что они постоянно ссорились.

– А кто не ссорится? Чушь все это. Хорошие у них отношения были, я-то знаю.

Крячко окончательно убедился в неосведомленности матери Регины об отношениях в семье ее дочери. В сущности, расспрашивать ее дальше было не то что бесполезно, а даже опасно, ибо она могла дать превратную картину. Нужно было бы очень постараться, чтобы отличить истинную картину от той, как она виделась Ольге Александровне. Но Крячко и не пришлось больше ни о чем ее спрашивать: женщина стала зевать, глаза ее подернулись мутной поволокой – видимо, наступило максимальное действие препарата. Муж осторожно препроводил ее в комнату, а Стас, допив чай, собрался уходить.

– А у Регины не было любовника? – спросил он у Денисова уже в прихожей.

– Ну, если и был, мне об этом точно неизвестно, – усмехнулся тот. – Спросите ее родного отца, хотя вряд ли бы она стала и его посвящать в подобные вещи. Но я не думаю.

– Почему?

– Да кто бы выдержал ее характер? Если бы она и завела любовника, то проела бы ему мозги уже через неделю, и он просто сбежал бы.

– Ясно, – ответил Крячко, рассчитывая пробить эту тему в СЭС. – Что ж, спасибо.

– И вам спасибо, что не отняли много времени. Тут еще и к похоронам готовиться надо, и с Олей плохо, и Вадима арестовали... Все одно к одному!

– Ну, о похоронах, думаю, вам можно не беспокоиться. Их на себя возьмет Берестов, и для вас так лучше. Кстати, вы с ним не в контрах, нет?

– С какой стати? – удивился Денисов.

– Ну, вы все-таки женились на его жене.

– Хочу вам заметить, что к тому моменту Берестов сам был женат вторым браком. При чем это он ушел из семьи. Нет, он адекватный человек и был даже рад, что его бывшая супруга, что называется, пристроена.

– Кстати, новая его жена что собой представляет? – полюбопытствовал Крячко.

– Да я и видел ее только один раз, на свадьбе Вадима и Регины. Молодая, ненамного старше своей падчерицы. Держалась, задрал нос.

– Ага, а Регина с ней в каких отношениях была?

– Ни в каких. Они, по-моему, терпеть друг друга не могли, хотя на людях, конечно, держались ровно.

– А чем она занимается?

– Насколько мне известно, собой, – улыбнулся Денисов. – Детей у нее нет, и заводить их с Берестовым они, кажется, не планировали. Что касается Егора, она им не занималась.

– Понятно, понятно... – нахмурившись, кивал Крячко. – Значит, дома сидит, денег полно, времени тоже...

– Ну да. Всего этого у нее достаточно.

– М-да. Только вот я по жизни убедился, что денег много никогда не бывает, – бросил Стас и взялся за дверную ручку. – Всего доброго, Константин Георгиевич.

Выйдя на улицу, он первым делом набрал номер Гурова. Желая опередить его занудство по поводу того, что Крячко со своим упрямством зря потратил кучу времени, он сразу заявил в трубку:

– Лева, ты, как всегда, оказался прав. Нужно ехать в СЭС, я как раз туда и направляюсь на всех парусах.

– Что, облажался? – насмешливо спросил Гуров.

– А вот и нет! – с жаром возразил Крячко. – Я, между прочим, много чего ценного узнал. Но это при встрече. Я в СЭС.

– погоди с СЭС, – остановил его Гуров. – Тут один любопытный фактик всплыл...

– Уж не про любовницу ли Вадима? – ухмыльнулся Крячко.

– А ты откуда знаешь? – после паузы спросил Гуров, стараясь скрыть удивление.

– Так я ж говорю – много ценного выяснил! – не без самодовольства произнес Станислав. – Так что я знаю, что делаю! Пусть мама и не была в курсе дел своей дочки, а вот папа о делах сына был осведомлен неплохо.

– погоди, погоди... Какой папа? – не понял Гуров. – Там что, отец Вадима был?

– Лева, отец Вадима – нынешний муж Ольги Александровны Денисовой, ранее Берестовой.

– Вон оно что! А Берестов мне и словом не обмолвился об этом. И Вадим, значит, поставил отца в известность о такой детали?

– Еще как поставил! Даже про намерения развестись и жениться повторно. Так что нужно выяснять данные этой потенциальной невесты и ехать к ней.

– Данные есть, записывай... – Гуров продиктовал имя и адрес Анастасии Кравцовой и добавил: – Ну что, Стас, я тоже кой-чего ценного узнавать умею, а?

– Ну, еще бы! Мы вообще с тобой, Лева, ценные кадры! Только не ценит никто. Надо бы Петру об этом намекнуть, как считаешь?

– Вот сам и намекни. Все, давай!

Договорив с Гуровым, Крячко поднял голову и посмотрел на небо. Хотя стоял разгар дня, было сумрачно, и казалось, что уже наступил вечер. Снег продолжал сыпать – мелкий, злой, – а вредный ветер пригоршнями засыпал его за воротник. Станислав с грустью вспомнил о своей машине, оставленной в автосервисе, и направился к станции метро. Настроение было под стать погоде. Не хотелось ему никуда ехать, он с куда большей радостью залез бы сейчас под теплое одеяло и включил телевизор, попивая чаек, а то и чего-нибудь погорячее. И даже мысль о том, что он может предаться этому занятию вечером, после работы, не грела: дома была сердитая Наталья, которая наверняка съехидничает, если муж уляжется на диван. Ее почему-то всегда злило, когда Станислав просто сидел и ничего не делал. Порой ему казалось, что она выдумывает несуществующие дела из воздуха, лишь бы не дать ему покоя.

Станислав добрал до метро, вытряхнул набившийся за воротник снег и услышал, как пикнул в кармане телефон, возвещая о пришедшем эсэмэс-сообщении.

«Кто там еще?» – недовольно подумал он, опуская руку в карман. Нажав кнопку, увидел высветившиеся буквы «Жду тебя с нетерпением вечером» и сначала даже не понял, что это адресовано ему. Присмотревшись, обнаружил, что сообщение отправлено женой...

Крячко почесал в затылке, думая, чем он успел еще провиниться перед супругой даже во время своего отсутствия дома. Ничего хорошего от «нетерпеливого ожидания» его вечером он не ждал... Поколебавшись, решил выяснить все вопросы немедленно и набрал номер супруги, готовый дать отпор любым претензиям.

– Ста-ас! – Голос Натальи звучал загадочно.

– Ну? – Крячко был краток, боясь лишним словом усугубить вину и прокручивая в голове возможные прегрешения. Память почему-то услужливо подсунула ему сразу несколько – так сказать, на выбор: неубранную зубную щетку, впопыхах вытряхнутые мимо мусорного ведра

остатки завтрака с тарелки, крошки от чипсов, пакет с которыми Станислав неудачно опрокинул вчера вечером на постель...

– Я тут свининки купила... – продолжала Наталья. – Хочу приготовить ее так, как ты любишь: с лучком, с картошечкой... Ты бутылочку вина прихвати вечером, хорошо?

В первый момент Крячко показалось, что он ослышался. Ну, или что у него от холода начались слуховые галлюцинации. Никогда раньше ничего подобного не было, но все когда-то случается впервые.

– Э-э-э... Что ты говоришь? – осторожно переспросил он. – Я в метро, тут слышно плохо.

– Я говорю, вина купи бутылочку! И приезжай пораньше с работы.

– Наташка, а бутылочка тебе зачем? – на всякий случай уточнил Крячко. – Не для моей головы случайно?

– Ой, вечно ты шутишь! – засмеялась Наталья. – Дети сегодня поздно будут, посидим с тобой вдвоем, выпьем по бокальчику под мясо. Только красного купи, не белого!

– Заметано, Натуй! – расцвел Крячко. – Буду как штык! Пулей примчусь сразу после работы!

– Смотри, а то как бы Гуров тебя не задержал! Он любит сверхурочно задерживаться.

– А чего мне Гуров? – захохотился Крячко. – Надо будет – уеду, никого не спрошу. Давай, до вечера!

Как странно устроен человек. С какой легкостью может он менять свое мироощущение. Еще несколько часов назад Крячко казалось, что все в его жизни идет наперекосяк: что его накрыл кризис среднего возраста, что на работе его не ценят, равно как и в семье, и что их отношения с женой себя исчерпали. Сейчас же он шел и просто радовался жизни, хотя ничего, абсолютно ничего вокруг не изменилось: все так же смурнело небо, завывал ветер, и машина стояла в мастерской до сих пор не починенной... Однако разговор с женой – пустячный, по сути, – полностью перевернул сознание Станислава. И все то, что он считал абсолютно нерешаемым и неизменным, – в одночасье стало казаться таким маловажным, что ему самому становилось смешно от своих прошлых мыслей.

Радостно преодолев эскалатор, перешагивая на ходу через ступеньки, он сел в вагон подошедшей электрички. До дома Анастасии Кравцовой ему предстояло на метро добраться до Медведкова, а там пересест в маршрутку, идущую в Мытищи. Станислав запасся терпением. До Медведкова он доехал быстро, потом мерз на остановке, дожидаясь, пока водитель наберет полную маршрутку, и уже внутри «Газели» смог наконец спокойно подумать.

Мыслей и даже подозрений было много, и Крячко, убивая время с пользой, составлял предварительный план беседы с девушкой. К слову, вообще-то Крячко не любил всякие там планы – это скорее была прерогатива Гурова – и никогда не действовал схематично. Он был мастером экспромта, импровизации. Кроме того, одним из главных его козырей было умение находить общий язык с разными свидетелями. Однако Анастасия была не обычной свидетельницей – она любовница человека, который подозревается в убийстве своей жены. И Крячко тоже не снимал с него подозрений. А раз он, возможно, виновен, то и Анастасия вполне может быть в курсе планов своего любовника. При таком раскладе вполне вероятно, что девушка может оказаться не простушкой, а очень стратегичной и умной, поэтому Крячко и обдумывал каждый свой вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.